

**КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА**

Книга должна быть возвращена не
позднее^е указанного здесь срока

Количество предыдущих выдач

28/II-6300(ш)

1628—9000 000

И. В. Ивановский

НА ОДНОМ ИЗ РУБЕЖЕЙ

Издательство
«ЖАЛЫН»
Алма-Ата
1977

Ивановский И. В.

И22 На одном из рубежей. Алма-Ата,
«Жалын», 1977.
84 с.

9(с)271+9(Каз)27

Бывший офицер Советской Армии, кавалер трех орденов Красного Знамени, делится воспоминаниями о том суровом времени, когда вся страна от мала до велика стала на защиту Родины от гитлеровских захватчиков. Герои повествования — солдаты и командиры 314 и 368-й дивизий. Они сражались против врага на одном из рубежей, который проходил вблизи блокадного Ленинграда. Каждый воин шел в бой, совершая подвиги во имя Отчизны, во имя светлого завтра советских людей — такова мысль автора, проходящая красной нитью через все повествование.

Адресуется массовому читателю.

258499

ИБ № 335

и $\frac{11202-231}{408(07)77}$ 299-77

06

© Издательство «Жалын», 1977
Советско-Казахстанская область
сел Сидирка
город Петропавловск

В дни празднования тридцатилетия Победы над фашистской Германией многие ветераны Великой Отечественной — казахстанцы гостили на ленинградской земле. Встречи, бесконечные воспоминания о далеких, ставших историей днях. Поездки, экскурсии по местам боев ярко выветрили, воскресили в

памяти ветеранов события грандиозной битвы советского народа против оккупантов. В разговорах, беседах друзья-однополчане особенно часто возвращались к осени 1941 года.

4 сентября фашистские захватчики полностью блокировали Ленинград. Оставалась лишь узкая полоска, проходившая по южному побережью Ладожского озера, где еще была возможность переправлять грузы в город на Неве. С юга и юго-востока его взяла в кольцо более чем трехсоттысячная армия гитлеровских захватчиков, а со стороны Карельского перешейка наступали войска финнов, которые вышли к реке Свири. На Ладожско-Онежском перешейке советские войска с жесточайшими боями против превосходящих сил противника отходили к югу. Лишь в середине сентября положение здесь стабилизировалось.

Немцы перешли к обороне, но от своего замысла — задушить Ленинград блокадой не отказались. Они разработали новый план, по

которому должны были совершить глубокий обход города Ленина с юго-востока, затем соединиться с войсками финнов восточнее Ладоги и взять его уже в двойное кольцо. Для осуществления этих замыслов немецкое командование обратилось к своему северному союзнику «с настоятельной просьбой оказать в районе реки Свири как можно более сильное давление на русские войска, чтобы облегчить положение корпуса, ведущего ожесточенные бои в районе южнее Ладожского озера. Но финская армия, северный фланг которой под Петрозаводском сам должен был сдерживать сильный натиск противника, была не в состоянии это сделать»¹, — признавался впоследствии гитлеровский генерал Типпельскирх.

Наше командование поставило задачу создать на реке Свири непреодолимую преграду для Карельской армии финнов. На этот огненный рубеж и прибыла сформированная в Северном Казахстане 314-я стрелковая дивизия. В ее составе находились 1074, 1076 и 1078-й полки. Первый из них (командир — подполковник Гуськов) занял оборону в районе Лодейное Поле — Шамокша — Заостровье. Его позиции протянулись почти на тридцать километров по фронту. Два других заняли рубеж Свиристрой (ныне Свири-3) — Подпорожье. Линия обороны дивизии, таким образом, достигла почти восьмидесяти километров.

К тому времени, когда казахстанская дивизия влилась в 7-ю армию и заняла рубеж на реке Свири, сложилась тяжелейшая обстановка для наших войск. Перед финнами немецкое

¹ K. Типпельскирх. История второй мировой войны. М., изд-во иностр. лит., 1956, с. 197.

командование поставило задачу прорваться через эту водную преграду с целью соединения с гитлеровцами в районе Волхова. Другой удар должен был обеспечить выход противника к Вологде. Враг надеялся, в случае осуществления задуманной операции, замкнуть двойное кольцо блокады Ленинграда. Но на пути финнов встали соединения 7-й армии, в том числе воины-казахстанцы, каждый из которых дал клятву Родине не отступить ни на шаг.

Свирь вытекает из Онежского озера и через 224 километра впадает в Ладожское, пересекая перешеек, образованный этими двумя водоемами. На ее берегах расположены населенные пункты, которые сыграли немаловажную роль в истории государства Российского и прежде всего в освоении сурового северо-западного края. На месте Лодейного Поля в петровские времена располагалась деревня Мокрившица. Здесь и построил царь верфь, которая стала носить имя Олонецкая. В 1785 году ее стали называть Лодейным Полем. Здесь на воду Свири был спущен один из первых петровских кораблей — 28-пушечный фрегат «Штандарт». Таким образом, Олонецкая верфь стала колыбелью русского Балтийского флота. Отсюда корабли уходили добывать не только ратную, но и научную славу — немало географических открытий на счету русских парусников. Верфь закрыли в 1830 году.

К началу Великой Отечественной войны Лодейное Поле являлось районным центром, где действовало несколько предприятий, в основном деревообрабатывающей промышленности. Здесь было мало каменных зданий. Мате-

риал для строительства жилья составлял хвойный лес, который вплотную подступает к городу. Через Лодейное Поле проходит железная дорога Ленинград — Петрозаводск, а Свири является связующим звеном в сообщении с населенными пунктами Карелии и Ленинградской области. Выше по реке расположены Свиристрой и Подпорожье. Название последнего напоминает о коварном нраве этой водной магистрали в давние времена, которая стала частью Волго-Балтийского пути.

Батальон, которым командовал автор этих строк и который входил в состав 1074-го полка, 7 сентября прибыл на разъезд Заостровье, что в верховьях реки Свири. Утро выдалось туманным. Это не давало возможности противнику обнаружить нас с воздуха. Гул вражеских самолетов-разведчиков изредка доносился до нас, когда мы выгружались из вагонов. Маскировке особенно способствовал густой лес, расположенный по обе стороны железной дороги.

Вскоре на разъезд прибыл командир 314-й дивизии генерал-майор Афанасий Дмитриевич Шеменков. Выше среднего роста, всегда сосредоточенный, внимательный по отношению к подчиненным, он производил приятное впечатление, вызывал уважение. Он уже имел боевой опыт, о чем свидетельствовал орден Красного Знамени, блеснувший на груди комдива. В то время ему было 45 лет. Он родился на Могилевщине в крестьянской семье. С малых лет познал нужду и заботы о хлебе наущном. До мобилизации в царскую армию работал на шахтах Донбасса. После Великого Октября вступил в 1-й Курский полк Красной

Армии. Сражался храбро, за что правительство наградило его боевым орденом. В годы Великой Отечественной войны Афанасий Дмитриевич занимал различные командные должности. Правительство высоко оценило его ратные подвиги, присвоив ему звание Героя Советского Союза.

В тот сентябрьский день генерал выслушал мой доклад, развернул планшет с топографической картой и сказал:

— Командира вашего полка пока что нет, он где-то на подходе. Так что давайте сами разберемся что к чему. Справа у нас озеро Охтальское, слева — населенный пункт Ручьи. Это ваш участок. Протяженность по фронту — пять километров. Противник на подходе. Рубеж занять немедленно и держать его до последнего патрона, до последнего красноармейца. Принимайте меры для связи с соседями справа и слева.

Батальон уже закончил выгрузку. Временем на отдых мы не располагали,— дорога была каждая минута,— и сразу же в походной колонне двинулись на север по лесной дороге. Примерно через полчаса впереди послышались выстрелы. Над головами, срезая ветви, пролетали разрывные пули. Когда батальон вышел к Свири, перед нами открылась такая картина. На противоположном, правом берегу суетятся вражеские солдаты, готовясь к перевправе и занимая места в лодках. Отчетливо слышна чужая речь. До слуха долетают резкие слова команды. А на нашем берегу залегла группа штатских, около двадцати человек. Один из них, видимо, старший поторапливает:

— Скорее, ребята. Заканчивайте чистку

винтовок. Как бы опять не попасть в окружение. Патроны на исходе, а до своих еще далеко...

Я крикнул:

— Вы кто, товарищи?

— А вы кто такой? — услышал в ответ.

— Командир батальона.

Они не верят.

Выяснилось потом, что мы встретились с партизанами Ивано-Вознесенского отряда. Название ему дали карельское село Ивановское и районный центр Вознесенье Ленинградской области, жителями которых были партизаны. Пока батальон занимал оборону, они обстреливали вражеских солдат, которые плыли к нашему берегу на лодках. Вскоре открыли огонь приданые батальону батареи 45-миллиметровых орудий и 120-миллиметровых минометов. Вражеские солдаты отошли от берега, укрепились в селе Ручьи (на картах этот населенный пункт значился как «сельсовет Ручьи») и лишь изредка посылали в нашу сторону артиллерийские снаряды. А где-то справа тоже шел бой. Партизаны поблагодарили за то, что мы пополнили их запас патронов, и ушли в лес.

Разведка батальона в этот день не нашла соседа справа. Лишь на следующий день выяснилось, что там должен был действовать второй батальон Воскобаева, который занял оборону правее озера Охтальское с большим опозданием. А слева от нас расположились бойцы, вышедшие из окружения. Но вскоре, после прибытия эшелона первого батальона, которым командовал капитан Фокин, их отвели в тыл.

Бои с каждым днем усиливались. На левом берегу Свири часто рвались снаряды. Позиции батальона обстреливались пулеметами. Трассирующие пули срезали верхушки деревьев, создавая серьезные помехи для наблюдений. Но пулеметчики батальона быстро освоились и очень ловко уничтожали вражеских «кукушек». Еще во время войны с белофиннами так называли вражеских снайперов, которые устраивались в кронах деревьев, откуда вели прицельный огонь. Этим приемам они пользовались и в период Великой Отечественной войны.

Финны не оставляли намерений форсировать Свири. Попытки к этому они чаще всего стали предпринимать с наступлением темноты. Так, в ночь на 9 сентября восемь раз снаряжали лодочные десанты, прикрывая их масированным огнем. Но финнам удавалось доплыть только до середины реки. Лишь немногие из них возвращались на свои позиции живыми.

Положение батальона, да и всей дивизии, осложнялось недостатком техники, боеприпасов, вооружения, продовольствия. Штаб 7-й армии находился в Петрозаводске. Там тоже шли тяжелые бои. Противник занял этот город лишь 2 октября 1941 года, однако железную дорогу, соединяющую его, со станцией Подпорожье, финны перерезали еще 10 сентября. И даже в этих условиях советские воинские части и подразделения, проявляя чудеса героизма, стремились вывезти ценное государственное и военное имущество, чтобы оно не досталось врагу. Здесь сыграли свою роль и моряки Онежской флотилии.

Однажды бойцы батальона совершили случайно обнаружили склад с боеприпасами, где получили по радио приказ — прибыть на станцию Волхов. О том, что она уже занята немцами, экипажу не успели сообщить. И бронепоезд оказался в ловушке: как только он прибыл на станцию, гитлеровцы взорвали рельсы, отрезав ему путь для отхода. Тогда экипаж вывел из строя пулеметы и орудия, и сумел выйти из окружения.

Несмотря на превосходство сил противника в его тыл нередко проникали наши разведчики и добывали ценные сведения. Проявили себя в этом лейтенант Семенов и старшина Шаповалов.

Большую помощь в отражении противника форсировать реку Свири в районе села Ручьи нам оказывал армейский бронепоезд. С его командиром мне довелось однажды встретиться. Жаль, что его фамилия не запомнилась. Это был старший лейтенант Коренастый, подтянутый. Привлекали внимание его рыжеватый чуб и голубые глаза. В тот день, когда произошла наша встреча, вражеские артиллеристы подкатили противотанковую пушку к самой реке. Мы отчетливо видели все приготовления расчета. Он попал в поле зрения бронепоезда, который сделал несколько орудийных выстрелов и уничтожил вражескую пушку, а затем перенес огонь на опорный пункт противника. Это происходило 27 ноября. С тех пор бронепоезд не появлялся вблизи наших позиций. О его судьбе я узнал много позже.

В тот день, отправившись в путь, его команда неподалеку обнаружили склад с боеприпасами, где получил по радио приказ — прибыть на станцию Волхов. О том, что она уже занята немцами, экипажу не успели сообщить. И бронепоезд оказался в ловушке: как только он прибыл на станцию, гитлеровцы взорвали рельсы, отрезав ему путь для отхода. Тогда экипаж вывел из строя пулеметы и орудия, и сумел выйти из окружения.

Однажды противник начал перебрасывать свои подразделения на наш правый фланг через село Ручьи. На дороге, пролегающей вдоль берега Свири, показалось до взвода вражеских солдат. Они шли, не заботясь о маскировке. Тут внезапно открыли огонь пулеметчики Андрей Алексеевич Пуненко и Яков Перевертайло. Около двадцати финнов нашли свою смерть в те минуты. Через несколько

дней пулеметчики снова отличились. И на этот раз своим огнем они рассеяли колонну солдат противника, двигавшихся по той же дороге.

А. А. Пуненко беспрерывно участвовал в самых тяжелых осенне-зимних боях, нередко ходил в тыл врага. Однажды при возвращении из разведки получил тяжелое ранение. Но богатырское здоровье позволило справиться с недугом — воин снова встал в строй. Правда, из госпиталя Пуненко направили в другую часть. После войны он вернулся в Петропавловск полным кавалером солдатского ордена Славы и стал работать на хлебокомбинате. У ветерана войны сейчас самая мирная профессия, которой он гордится. К его боевым наградам прибавилась трудовая — орден Октябрьской Революции.

Немало живой силы врага уничтожило 45-миллиметровое орудие Зубкова. Его расчет славился точной стрельбой, особенно по огневым точкам. Этот находчивый, инициативный артиллерист приехал после войны в Петропавловск с несколькими орденами на груди.

Противник, убедившись в том, что ему не удастся форсировать реку у села Ручьи, завязал ожесточенные бои на других участках и овладел Подпорожьем и Свиристроем. Сказалось превосходство врага в живой силе и технике. И все-таки это был последний его успех: дальше, на юг, он не смог продвинуться ни на шаг.

Весь личный состав дивизии сражался самоотверженно. Врагу наносился большой урон. Но и мы несли потери. Горечь утрат и сейчас не дает покоя сердцу. Бывали нелепые, непредвиденные и трудно объяснимые случаи, когда мы теряли дорогих друзей. Так погиб майор Ворошилов. В середине сентября его направили из штаба армии к нам с целью изучения обстановки. Это был знающий, деловой и серьезный офицер. Он побывал на переднем крае полка, побеседовал с командирами и солдатами, дал несколько советов по улучшению обороны, затем вместе с отделением стрелков на грузовой машине отправился в соседний полк. В лесу бойцы попали в засаду, устроенную проникшими в наш тыл вражескими автоматчиками. Завязался бой. Майор Ворошилов умело командовал действиями стрелков, но его сразила вражеская пуля. Полевую сумку с секретными документами, которую он вез в штаб, бойцы сохранили и доставили по назначению.

Остался в памяти и образ капитана Алексея Ивановича Лилиенталя. Его я знал с 1935 года, когда мы оба находились на сбоях командного состава в Ташкенте.

Алексей Иванович прожил богатую событиями жизнь, навсегда связав свою судьбу с Красной Армией со временем борьбы за власть Советов. Боевое крещение получил еще юношей в окопах первой империалистической войны, а началась гражданская, влился в ряды легендарных латышских стрелков, где его считали храбрым и находчивым разведчиком. Довелось ему сражаться и против царского генерала Краснова под Гатчиной. В начале двадцатых годов участвовал в ликвидации различных банд, орудовавших на Украине. Там он вступил в ленинскую партию. Пошел учиться в кавалерийскую школу, стал кадровым советским офицером. Командовал взводом, кавалерийским и пулеметным эскадронами, громя басмачей в Средней Азии. За отвагу и мужество Алексею Ивановичу вручили орден Красного Знамени, именное холодное оружие.

Весть о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз застала А. И. Лилиенталя в городе Бухаре, где он руководил областной организацией Осоавиахима. Что делать, как поступить,— этих вопросов перед героем гражданской войны не возникало. Он сразу же решил отправиться на фронт. Так через шесть лет мы снова встретились.

Командуя батальоном, Алексей Иванович выделялся среди других офицеров полка пунктуальностью при разработке боевых при-

казов, деловитостью, инициативой. Большую должности А. Д. Шеменкова) и его боевых роль играло и его общение с бойцами и коллегами — командира артполка майора мандирами, которым в часы затишья он расп. П. Ф. Ивашко, командира артдивизиона капитаном сказывал о гражданской войне, сражениях с танами А. В. Запорошенко и других. 26 ноября бандами. В бою был отважным и быстро они прибыли в 1078-й полк для изучения боевого принятых необходимые решения.

В тот день полк сдерживал натиск у населенного пункта Подпорожье. Противник обрушил все виды огня — артиллерийский, минометный, пулеметный, автоматный. Подключились и дальнобойные орудия. К тому же, не третий... приятель имел большой опыт ведения войны в условиях лесистой и болотистой местности. Он почти в четыре раза превосходил нас в живой силе и технике. 1076 и 1078-й полки вынуждены были отойти к деревне Коковичи. В этом жесточайшем бою особенно отличился миссар Б. С. Колесникова. У подножия обербатальон капитана Лилиенталя, уничтожив линии, установленного здесь, — всегда живые более семисот вражеских солдат и офицеров. цветы.

Но остался лежать на поле сражения и сам комбат. В письме к родственникам Алексея Ивановича об обстоятельствах гибели отважного офицера сообщил химинструктор сержант Д. Диденко. Он писал: «Когда его привезли с передовой, то он не прожил и двух часов.

Я снял с него боевые награды — ордена Красного Знамени и Красной Звезды... и отправил в штаб 1078-го стрелкового полка... приказал своим бойцам вырыть могилу на кургане в деревне Коковичи Подпорожского района в 150 метрах от домов, где располагался штаб...» Сейчас этого населенного пункта нет: его уничтожили захватчики. На месте деревни разросся теперь густой лес.

Нелепой случайностью явилась гибель комдива И. В. Ковалева (он сменил на этой

вой обстановки. НП находился на чердаке

И. В. Ковалева, П. Ф. Ивашко и А. В. Запорошенко похоронили с воинскими почестями. Только он вошел в здание в сопровождении офицеров, как рядом с наблюдательным пунктом стали рваться снаряды. Один, второй,

давно останки героев перенесены в братскую могилу, где покоятся и прах бригадного комиссара В. С. Колесникова. У подножия обербатальон капитана Лилиенталя, уничтожив линии, установленного здесь, — всегда живые цветы.

Многие жители Северного Казахстана знают этот город на Свири. В его окрестностях под обелисками и мраморными плитами лежат их земляки, отцы, сыновья, мужья, близкие. Здесь они дали клятву на верность Отечеству и сдержали ее.

Каждый воин вносил свою лепту во всенародное дело разгрома врага. В числе героев был и артиллерист младший лейтенант Иван Андреевич Котляренко. Его орудие во время боев за Подпорожье держало под обстрелом дорогу юго-западнее населенного пункта. Когда противник, преодолев Свири и прорвав нашу оборону, стал подбрасывать подкрепления, жарко пришлось расчету Котляренко. Он мужественно сражался. От его огня нашли смерть более тридцати солдат и офицеров про-

тивника. Враг был остановлен и не достиг цели. Рядом с артиллеристами сражалась пулеметная рота третьего батальона полка. Ее расчеты метким огнем поражали цели. В ожесточенной схватке был убит командир роты, и его место занял политрук Михаил Иванович Назарин, которого вскоре тяжело контузило. Однако он не покинул боя, продолжая подавать команды пулеметчикам. До конца исполнил свой долг перед Родиной казахстанец, адъютант старший батальона Николай Федорович Вахонин, ветеран гражданской войны, бывший преподаватель Петропавловского учительского института. Он геройски погиб при атаке противника на КП батальона. Пал смертью храбрых бывший военрук Петропавловского педагогического училища старший лейтенант Борцов.

В первых же сражениях проявил героизм житель Петропавловска офицер Ахмет Мухамеджанович Орумбаев. Его взвод действовал в районе Стальмост — Погра, с марша вступив в бой в составе роты. Враги окружили наших бойцов, обрушив на них массированный огонь. Ряды отважных советских воинов редели с каждым часом. В одной из контратак был убит командир роты. Наступило замешательство. В этот момент во весь рост поднялся Орумбаев с возгласом: «Рота, слушай мою команду!» и повел бойцов вперед, на прорыв. Подразделение вышло из окружения и при этом вынесло с поля боя раненых товарищей.

Многое зависело от связистов. Осколками снарядов и мин часто повреждался телефонный кабель, и надо было постоянно следить за его исправностью, искать места порывов под

непрерывным огнем противника, восстанавливать связь, чтобы командиры подразделений своевременно могли получать приказы и распоряжения с КП полка. В районе Подпорожья четко и умело действовал старший сержант Алексей Васильевич Толстоеев, обеспечивая бесперебойную связь командира батальона с подчиненными. Не раз он рисковал жизнью, чтобы обнаружить и устраниить повреждение кабеля.

У кого хорошая разведка, тот добивается и успехов, овладевает инициативой в бою. Это прописная истина. И наши командиры стремились больше иметь сведений о неприятеле. И днем, и ночью бойцы не спускали глаз с врага, забирались к нему в тыл, добывали ценные сведения. Часто добровольно брался выполнять такие задания разведчик Пуненко. При его содействии в дивизию привели первого «языка», которого допрашивали в штабе дивизии. Когда пленный услышал слово Ленинград и узнал, что его отправят в этот город, удивленно спросил:

— Разве Ленинград ваш?

Пленному ответили, что он сам вскоре убедится в этом.

Крепко врезалось в память 21 октября 1941 года. Утро предвещало солнечный безветренный день. На рассвете первый батальон под командованием капитана Анатолия Михайловича Фокина форсировал реку Свири. Местность в районе Новая Сегежа-Горка, где действовало подразделение, представляла довольно большую поляну, которую обступали сосны. А дальше, на возвышении просмат-

ривались названные населенные пункты. Там тянулась оборона противника с сетью проволочных заграждений, ходов сообщений, огневыми точками. Левым и правым крылом она уходила в лес. Обычно противник высыпал своих патрулей непосредственно к реке на ночь, а с наступлением рассвета они возвращались на свои позиции. Этим и воспользовался капитан Фокин. Вражеские наблюдатели заметили его батальон слишком поздно. Кроме того, смельчакам помогла артподготовка, которая длилась полчаса. Затем свой огонь орудия перенесли в глубину обороны, обрабатывая ее в течение пятнадцати минут, после чего снаряды, посыпаемые с левого берега реки, стали снова разрываться на передовой противника. Тем временем батальон Фокина преодолел Свирь. Враг не выдержал натиска и в панике оставил занимаемый рубеж. В окопах валялись шинели, котелки и даже сапоги.

Батальон продолжал продвигаться, преодолевая сопротивление уже опомнившегося врага. К двум часам дня фокинцы оказались примерно в пятистах метрах севернее Новой Сегежи, куда первой ворвалась рота лейтенанта Гавриила Андреевича Здоровьева. В этом бою уверенно действовал старшина роты Яков Федорович Ефименко. Его «максим» метко поражал врага, подавив несколько огневых точек. Лучший снайпер дивизии Григорий Зубков тоже был в рядах наступающих. Красноармейцы Иван Семакин и Дмитрий Голубь гранатами забросали вражеское орудие, и оно навсегда умолкло. Наповал разили врага своим метким огнем из винтовок Ва-

сильев, Васькин, Иванченко, Онищенко. Лейтенант Алексей Константинович Подрезов уничтожил минометный расчет и захватил миномет. Несколько раз противник переходил в контратаку на рубеже, занимаемом стрелковым отделением, которым командовал сержант Амиров. Его воины смело вступали в бой, метким огнем выводили из строя живую силу противника. Хладнокровие, четкие распоряжения командира придавали уверенность подчиненным. Понеся большие потери, враг отступил.

В тот же день о действиях батальона узнал командарм Мерецков и сразу же прибыл в полк. Наблюдая за ходом боя на правом берегу Свири, генерал тут же издал приказ о представлении капитана Фокина к награждению орденом Красного Знамени.

В целях усиления рубежа, занятого батальоном Фокина, в ночь на 22 октября на правый берег Свири переправился первый батальон 1078-го полка, но не выполнил свою задачу, так как оказался прижатым к реке противником, который подбрасывал все новые и новые резервы.

Такая же задача — оказать помощь воинам Фокина была поставлена перед девятой стрелковой ротой третьего батальона. Она успешно форсировала Свирь и с ходу ввязалась в бой. В жестоких схватках погибли многие бойцы. Был тяжело ранен политрук М. И. Назарин, который до этого получил контузию в сражении за Подпорожье. Умело руководил действиями минометного взвода старшина Павел Федорович Алякритский. Командир роты лейтенант Михаил Иванович Ралду-

гий личным примером увлекал своих подчиненных на ратные подвиги. В бою за Новую Сегежу он получил тяжелое ранение. Санитары намеревались эвакуировать его в тыл, но офицер наотрез отказался от этого и продолжал руководить боем. А медицинскую помощь получил лишь в ночь на 25 октября, когда вместе с батальоном Фокина его рота вернулась на левый берег реки и расположилась на отдых в селе Шамокша. Позже товарищи по оружию от души поздравили Михаила Ивановича с награждением орденом Ленина.

Через неделю после успешного завершения разведки боем капитана Фокина назначили командиром 1074-го полка. Это было еще одним признанием его заслуг и свидетельством того, что в нашей армии есть талантливые командиры, умеющие творчески применять военные знания и опыт. Результаты прошедшего боя анализировались в частях и подразделениях дивизии, что впоследствии сыграло положительную роль при подготовке и осуществлении других операций против захватчиков. Но главное состояло в том, что у наших солдат и командиров еще больше окрепла уверенность в своих возможностях бить врага и побеждать. Об этом говорили в беседах политработники и агитаторы. Они приводили примеры мужества, героизма, военной смекалки и инициативы тех, кто форсировал Свирь и встретился с врагом лицом к лицу. Об отважных воинах рассказывали листки-молнии.

Закалке наших воинов, росту их мастерства во многом способствовали коммунисты и комсомольцы. Они действовали не только

правдивым, убедительным словом, но, как правило, показывали личный пример бесстрашья и героизма. Ходили в разведку, увлекая за собой других добровольцев, метко поражали врага из снайперских винтовок. Как говорили у нас в дивизии, политработники проводили занятия с бойцами и путем рассказа, и путем показа и являлись надежной опорой командного состава.

В батальоне часто бывал комиссар полка батальонный комиссар Кошелев. Появлялся всегда со свежими газетами, журналами, книгами, листовками. Сначала направлялся к пулеметчикам, беседовал с ними, помогал выпускать боевые листки, потом шел к минометчикам, артиллеристам, в резервную роту. Его видели и в окопах, и в землянках. Впечатляющими были рассказы комиссара о героизме воинов, об успехах тружеников тыла. Никогда Кошелев не забывал поздравить с успехами или наградой отличившегося воина. Беседы свои этот опытный политработник строил на примерах из фронтовой жизни дивизии, а каждое посещение того или иного подразделения ему давало новый материал для задушевного разговора с красноармейцами и сержантами.

В период ноябрьских боев в частях 7-й Отдельной армии зародилось снайперское движение. Самые отважные, находчивые воины овладевали искусством меткой стрельбы, а достигнув мастерства, учили своих боевых товарищей. Распространению опыта во многом способствовали политработники. Военный комиссар батальона 1074-го полка М. Т. Оконенко не только тщательно изучал, обобщал и

анализировал достижения метких стрелков с тем, чтобы рассказать о них воинам подразделения, но и проявил инициативу в создании специального снайперского отделения, которое впоследствии было преобразовано в школу снайперов. Обучение здесь вели политрук Николай Батырев и бывший колхозник из Северного Казахстана рядовой Григорий Петрович Зубков. Примечательно, что оптический прицел для винтовки последнего сконструировали и собрали в полковой мастерской лейтенант Шехов, сержант Ломаев, красноармейцы Бабиченко и Калашников.

В один из выходов «на охоту» Григорий Петрович обнаружил на противоположном берегу отряд финнов, которые вышли на лесную поляну во главе с офицером. По всему было видно, что они собирались проводить тактические занятия. О том, что произошло дальше, рассказал сам Г. П. Зубков:

«Думаю, если первой пулей убить офицера, солдаты разбегутся. И решил — подстрелю гада, его будут стараться спасти, а я тем временем буду бить мерзавцев. Прицелился офицеру в правую ногу. После выстрела офицер схватился за ногу и упал...

Прошло несколько минут. Офицер закричал. К нему подбежало четверо. Я выстрелил. Один взмахнул руками и свалился... Остальные залегли. Офицер махнул рукой.. и опять один из них свалился на снег от моей пули. Так они поднимались, чтобы помочь командиру, а я их бил. Уже шесть бандитов свалил, а офицер все орал. Но бандиты больше не поднимались, меня заметили, слева ударил пулемет, справа автоматы. Вижу, дело плохо,

сделал еще выстрел в оравшего офицера и уполз»¹.

Как только ни старался противник, чего только ни предпринимал, чтобы не дать возможности Зубкову разить врага из снайперской винтовки. Пускались в ход провокационные действия, различного рода «приманки», чтобы наш воин демаскировался и обнаружил себя. Для борьбы со снайпером специально выделялись минометные и артиллерийские расчеты противника, действовали и его опытные снайперы. Но тщетно! Находчивость Зубкова, помощь наших артиллеристов и пулеметчиков, которые прикрывали его в момент опасности, помогали снайперу уходить от беды»².

По инициативе политработников в январе 1942 года в дивизии провели первое совещание снайперов. Их тогда насчитывалось 167. Они истребили 1266 фашистских захватчиков. Было о чем поговорить. Каждый из мастеров меткой стрельбы мог рассказать много интересного, ценного для тех, кто повседневно совершенствовал свои воинские знания и навыки. Выступивший на совещании военком дивизии бригадный комиссар В. С. Колесников от имени командования соединения выразил благодарность лучшим снайперам, в числе которых был Г. П. Зубков. В те дни он стал кандидатом в члены партии.

Участники совещания приняли обращение

¹ АМО, ф. 1074, сп, оп. 814299, д. 1, л. б. н.; П. С. Белан. Казахстанцы в боях за Ленинград. Алма-Ата, изд-во «Наука», 1973, сс. 97—98.

² П. С. Белан. Казахстанцы в боях за Ленинград, с. 98.

к воинам дивизии. «Отлично овладевайте своим боевым оружием,— призывал этот документ,— изучайте повадки врага, отыскивайте его и уничтожайте днем и ночью в лесах и болотах, на дорогах и в населенных пунктах, всегда и везде! Почет бойцу, который убил одного захватчика, благодарность красноармейцу, истребившему десяток фашистов, вечная слава красному воину, уничтожившему сотню немецких оккупантов и финских белобандитов»¹.

Тот, кто встречался со снайперами, знает, как трудно приходилось им действовать в боевой обстановке. За ними со стороны противника устраивалась настоящая охота, вплоть до обстрела позиции снайпера из минометов и артиллерийских орудий. Поэтому, чтобы стать снайпером, надо было обладать, кроме смелости, отваги, мужества, и такими немалозначащими качествами характера, как настойчивость в достижении цели, смекалка, инициатива, изобретательность, стремление изучать повадки врага. И среди бойцов дивизии нашлось много таких, кто вливался в движение снайперов. Были и особенно талантливые, такие, как Иван Абрамович Тагильцев и Андрей Трофимович Королев, который был впоследствии тяжело ранен, потерял обе ноги и вернулся в родное село Кустовое Северо-Казахстанской области, откуда начинался боевой путь этого отважного воина, бывшего тракториста. Винтовка, из которой он уничтожил

¹ АМО, ф. 1372, оп. 106567, д. 4, лл. 48—50; П. С. Белан. Казахстанцы в боях за Ленинград, с. 98—99.

151 оккупанта, ныне экспонируется в Ленинградском историческом музее артиллерии¹.

О лучших из лучших снайперах рассказывали в своих беседах политработники, партийные и комсомольские вожаки, агитаторы. Организовывались встречи снайперов с бойцами и командирами. Об этом же писала дивизионная газета «Ленинское знамя», сообщали листовки, боевые листки.

Политработники всегда были в гуще солдатской массы, воодушевляли бойцов и командиров на новые подвиги, постоянно укрепляя в их сердцах веру в победу над врагом. А сколько было сражений, боевых операций, повседневных ратных дел, когда слово, действие, личный пример политработника играли решающую роль в достижении цели, поставленной перед советскими воинами партией, народом. В связи с этим хотелось бы рассказать о разведке боем, проведенной в декабре 1941 года, исход которой решили не только ее тщательная подготовка командирами, но и активнейшее участие и помочь в этом красных комиссаров..

Положение наших войск в те дни было крайне сложным. Немецко-фашистские войска упорно стремились создать двойное кольцо блокады Ленинграда. Эту задачу командование противника поставило перед тремя корпусами. Один из них — 39-й моторизованный состоял из двух танковых дивизий, в которых насчитывалось 450 танков, двух моторизованных и нескольких отдельных частей. Вся эта

¹ См.: «Казахстанская правда», 1961, 16 мая; 1968, 21 февраля; П. С. Белан. Казахстанцы в боях за Ленинград, с. 99.

армада была нацелена на соединение с финнами, которые стремились прорваться на юг через реку Свири. Другой корпус — 1-й армейский имел задачу наступать вдоль берегов Волхова в сторону Волховстроя, а третий (38-й армейский) рвался к Малой Вишере. Уже в начале ноября завязались бои под Тихвином. Тогда вновь (в который уж раз) фашистская пропаганда пророчествовала о том, что Ленинграду суждено умереть голодной смертью.

Но именно здесь, под Тихвином, в ноябрьско-декабрьских боях были навсегда похоронены надежды Гитлера и его камарилии отсечь последние пути сообщения Ленинграда через Ладогу, изолировать город на Неве от советского тыла. Именно здесь, в этих жесточайших сражениях, инициатива перешла в руки нашего командования и начался общий перелом в действиях Красной Армии на Северо-Западном направлении. 24 декабря советскими войсками была полностью захвачена железная дорога, соединяющая Тихвин и Волхов, а через три дня успешно завершилась Тихвинская операция. Ленинграду стало легче дышать¹.

Эти ожесточенные сражения происходили в тылу 314-й дивизии, удерживавшей свирский рубеж. В те дни ее воины вместе с населением оборудовали круговую оборону на случай возможного прорыва немецких войск к реке Свири. В то же время необходимо было регулярно доставлять сведения о противнике командованию 7-й Отдельной армии. С этой целью ее командующий генерал-лейтенант

¹ См.: К. А. Мерецков. На службе народу. М., издво полит. лит., 1969, сс. 228—229.

Ф. Д. Гореленко, заменивший на этом посту К. А. Мерецкова, 15 декабря издал приказ, которым всем полкам предписывалось одновременно провести разведку боем, выделив для этого стрелковую роту или батальон. Всем стрелковым полкам, говорилось в приказе, артиллерийскую подготовку начать в шесть ноль-ноль 16 декабря.

Времени для выполнения приказа оставалось в обрез. Тем не менее, в 1078-м полку, которым я в то время командовал, прошли партийные и комсомольские собрания. Мне пришлось провести несколько часов в третьем стрелковом батальоне, который находился в резерве полка. После бесед с бойцами и командирами созрело убеждение, что в разведку целесообразней выделить восьмую стрелковую роту. Здесь, чувствовалось, большую работу вели не только сержанты и офицеры, но особенно коммунисты и комсомольцы. В результате у каждого красноармейца подразделения было приподнятое, боевое настроение. Роте придали взвод разведчиков и отделение саперов. Таким образом, набралось более ста человек.

Прежде чем принять окончательное решение, надо было посоветоваться с комиссаром полка батальонным комиссаром Николаем Алексеевичем Дмитриевым. Это был замечательный человек. Среднего роста, светловолосый и голубоглазый, он сразу, с первых слов вызывал уважение и доверие. Несколько раз я слушал его беседы с бойцами. Он умело направлял разговор, убедительно отвечал на вопросы, характеризуя положение на фронтах, рассказывая о злодеяниях гитлеровских за-

хватчиков на оккупированной ими территории. В тот вечер Дмитриев подошел ко мне и сказал:

— Пока ты будешь с командирами «колдовать» над картой, и я найду себе занятие.

В разведгруппе он сразу же провел открытое партсобрание. Обсуждался один вопрос: действия коммуниста и комсомольца в разведке боем. Выступившие приводили примеры храбости и героизма времен гражданской войны, рассказывали о подвигах своих товарищей во время недавних, сентябрьских и октябрьских сражений. Было решено, чтобы каждый коммунист и комсомолец в первую очередь сами уяснили поставленную задачу, провели на ту же тему беседы в отделениях и частях.

Перед боем прошел митинг. Выступившие страстно, горячо говорили о всенародной ненависти к врагу, клялись отомстить за гибель своих боевых товарищей, в том числе нашего комдива Ковалева. Показывая в сторону вражеских позиций, красноармейцы называли населенные пункты Назарьевская, Пиркинич, Подпорожье, которые временно находились под пятой фашистского зверя и население которых — женщины, старики, дети — ждали своих освободителей, бойцов Красной Армии.

На трибуну поднялся парторг полка старший политрук Н. И. Жаринов. Выступление его было коротким, но навсегда врезалось в память. Он рассказал о непоправимом горе, постигшем комиссара полка Дмитриева. Его жена и малолетние дети перед войной жили в Калинине. Когда нависла угроза захвата города врагом, они были вывезены оттуда, в пу-

ти попали в руки фашистских палачей. Изверги расстреляли жену Дмитриева. После рассказа парторга наступила тишина. К трибуне подошел старший сержант Г. И. Карабан. Коммунист, храбрый и в то же время рассудительный, он пользовался большим авторитетом среди боевых товарищей. Впоследствии его аттестовали на звание младшего лейтенанта и он стал командиром взвода.

Свое выступление старший сержант, обращаясь к Дмитриеву, закончил словами:

— Мы, товарищ комиссар, отомстим врагу и за гибель вашей семьи.

Митинг, беседы коммунистов и комсомольцев дали солдатам дополнительный заряд боевого духа, прибавили им уверенности и решимости добиться успеха в предстоящей схватке с врагом.

Объектом ведения боя был избран совхоз «Полевод», располагавшийся на другом берегу Свири, как раз напротив Лодейного Поля. Там находился ротный опорный пункт финнов.

Местность на левом берегу, которую следовало преодолеть разведгруппе, была равнинной, открытой и простиралась по фронту до восьмисот метров. По обе стороны реки — сосновые пни. Нет и кустарников. Надо пересечь это пространство, а затем незаметно спуститься с обрыва к реке. Противник располагался на возвышенной местности. Впереди — проволочные заграждения, за ними — минные поля, дальше — траншеи, пулеметные и минометные площадки, дзоты, а еще дальше — землянки солдат и офицеров.

Погода стояла пасмурная. Ночью и утром температура опускалась до сорока градусов.

Противник систематически освещал ракетами свой передний край, что затрудняло действия наших воинов. Встал вопрос: как оставаться незамеченными во время сближения с противником. Об этом у нас и зашел заговор с комиссаром полка.

— Где бы раздобыть халаты?

— Это дело поправимое. Их можно сшить из простыней.

И закипела работа. Нашлись и закройщики, и портные. Врачи, красноармейцы медико-санитарного взвода трудились под руководством медицинских сестер Чижевич и Трофимовой. Приказ командира полка был выполнен точно в срок.

...На каждом командире и красноармейце маскхалат, под которым полушибок. На ногах — валенки, в руках — автоматы. Предстоит жестокий бой. Еще при вечерней рекогносцировке было решено, что во время преодоления реки разведгруппа должна принять боевой порядок уступом назад с тем, чтобы в необходимый момент охватить с флангов опорный пункт противника. Сигнал атаки — автоматная очередь.

Реку Свирь было решено преодолеть короткими перебежками в момент, когда начнет угасать очередная выпущенная врагом осветительная ракета. Еще с вечера в проволочных заграждениях и минных полях противника проделаны проходы.

Возник вопрос и о местонахождении командиров в бою. Уставные требования предписывали им при наступлении быть впереди подчиненных, увлекая за собой бойцов. Но, как показали первые месяцы войны, такие дейст-

вия не всегда оправдывались. Поэтому командиры отделений разведгруппы получали приказ постоянно двигаться в середине и сзади цепи красноармейцев и следить за сигналами командиров взводов. Последние также получили аналогичные указания. Каждый из них имел связных от стрелковых отделений.

Обычно перед наступлением проводилась артподготовка. Но в те дни у нас каждый снаряд был на счету. На орудие отпускался один БК — боекомплект. Это означало, что если наша полковая артиллерия израсходует его перед боем, то впоследствии, быть может, в самый нужный момент у нее не будет возможности поддержать огнем подразделения, ведущие бой. И по совету артиллеристов решено было обойтись без артподготовки. Как раз в полк прибыл командир дивизии подполковник Д. И. Станкевский. Когда он услышал наши доводы, то согласился с нами.

— Хорошо,— сказал комдив,— разрешаю.

Итак, все вопросы обдуманы, утрясены и согласованы. Начальник артиллерии полка получил указание: огня без моего приказа не открывать. В разведгруппу направлены санитары, связные, артиллерийские корректировщики и проводники-саперы. Бойцам в ночь на 16 декабря отдохнуть пришлось недолго, а командирам и тем более. В третьем часу ночи воины строем прошли по городу Лодейное Поле. Миновали железнодорожное полотно и прибыли на передовой командный пункт. В шесть часов разведгруппа заняла исходный рубеж и залегла. Фланговые взводы Попова и Овчинникова — впереди, а за ними — взвод Токарева.

На исходных рубежах находились и разведподразделения других полков.

Слева и справа от нас артиллерия открыла массированный огонь по обороне противника. Молчала лишь артиллерия 1078-го полка.

Разведгруппа по сигналу двинулась вперед. Когда она оторвалась от переднего края, с наблюдательного пункта ни одного красноармейца и командира нельзя было разглядеть. Маскхалаты слились со снегом и скрыли их от взора наблюдателей противника. Только тот, кто знал направление движения, по оставленным бороздкам мог догадаться, что именно там проползли наши воины. Они медленно, но уверенно приближались к опорному пункту противника. Вот уже Свирь осталась позади фланговых взводов. А противник их не замечает. Но зато наши бойцы слышат, как финские наблюдатели похлопывают руками по бокам, приплясывают, негромко переговариваются.

Достигнув минных полей противника, воины вытянулись в нитку и пошли за своими проводниками. Командиры взводов ждут сигнала.

Утомительно тянутся минуты перед атакой. Но приходится ждать, пока не преодолеет препятствия взвод Токарева. Не успели его бойцы миновать проход в минном поле, как их обнаружил финский наблюдатель и открыл огонь. Эта автоматная очередь и явилась сигналом для броска в атаку наших солдат. С громким «ура» они бросились вперед. Воинам потребовалось немало усилий, чтобы преодолеть восемьсот метров.

Наблюдатели противника тут же были

уложены автоматным огнем наших бойцов. Рядовой Сергей Кубрушко уничтожил стрелявшего на фланге по нашему отделению вражеского пулеметчика и, захватив его оружие, открыл огонь по удиравшим в лес финским солдатам и офицерам. Другой вражеский пулемет захватил связной Константин Игишев. К нему присоединился сержант Трапезников. Оба они во многом способствовали успеху атаки. Казалось, и лес Карелии ополчился против врага. Немецкие и финские солдаты и офицеры, многие в нижнем белье, разутые, в панике стали высакивать из землянок. В короткое время опорный пункт противника перестал существовать. В бою нашли свою смерть свыше трехсот солдат и офицеров противника.

Справа и слева не утихал огонь вражеской артиллерии. А на участке обороны полка было сравнительно тихо. Красноармейцы и командиры, уничтожив врага в опорном пункте, незаметно для себя увлеклись наступлением, что могло отрицательно сказаться на достигнутом успехе. Разведгруппа получила приказ: прекратить атаку, закрепиться в захваченном опорном пункте. Саперный взвод заминировал подходы к совхозу «Полевод», а также на флангах опорного пункта. Седьмая рота лейтенанта Никиты Захарова стала переправлять трофеи к складам полка. Бойцы не смогли доставить на левый берег лишь два орудия, поскольку они были глубоко врыты и вмороожены в землю. Их оставили на месте.

В девять часов утра на правом берегу Свири у населенного пункта Пиркиниччи была обнаружена рота противника. Она двигалась к

совхозу «Полевод» справа. А через два часа мы увидели лыжный батальон финнов — более семисот солдат. Когда они оказались на лесной поляне, начальник полковой артиллерии старший лейтенант Петросян подал по телефону батареям соответствующую команду, и наши орудия беглым огнем накрыли колонну противника. Снаряды угодили в цель. Колonna рассеялась и скрылась в лесу, а минут через тридцать-сорок вновь появилась, но уже на другой поляне, более близкой к нашему переднему краю. Солдат в строю было на этот раз значительно меньше. И опять противника ошеломил внезапный огонь орудий. Больше мы не видели лыжного батальона. Уцелевшие солдаты скрылись в лесу и, очевидно, слились с другими подразделениями, которые вскоре подошли к совхозу. И снова завязался бой. После интенсивного автоматного огня финны вдруг замолкли. Пауза длилась двадцать-тридцать минут. Лишь наша артиллерия изредка вела огонь.

День выдался ясный. Но к вечеру небо заволокло тучами и пошел снег. Это позволило пополнить боеприпасы разведгруппы. Их доставляли на самодельных волокушах. Некоторые бойцы сменили свое оружие на финское и использовали трофейные патроны. Артиллеристы вели огонь по врагу из захваченных у него же орудий.

Вечером разведчики взяли «языка». Из его показаний стало известно, что утром лыжный батальон противника поднялся по тревоге и направился к совхозу «Полевод». Очевидно, связные атакованного нами противника успели передать в свой штаб сведения о действиях

разведгруппы. Однако из семисот тридцати лыжников финского батальона к нашему переднему краю дошло только сто двадцать. Остальные были убиты и ранены огнем нашей артиллерии на подходе или обморозили руки и ноги. И еще пленный сообщил, что из Медвежьегорска к Лодейному Полю направляется финская дивизия. По расчетам, она должна была прибыть к месту назначения утром 17 декабря. А шел уже второй час ночи.

На командный пункт прибыл командир дивизии Станкевский. Он спросил:

— Сможет ваш полк удержать захваченный опорный пункт?

Что можно было ответить? Нам нужны были резервы. Тем более, что на подходе была целая дивизия финнов.

— Резерва в дивизии нет,— сказал комдив.— Надо обойтись наличными силами.

— Это невозможно,— возразил я и изложил свои соображения: если полк примет бой с превосходящими силами противника, может случиться так, что дивизия финнов прорвется к городу и мы окажемся в невыгодном положении. Следовательно, разведгруппу надо вывести на отдых, тем более, что она полностью выполнила боевую задачу.

— Хорошо,— согласился комдив,— сейчас пойду и доложу обо всем командарму Гореленко. Никуда не уезжайте до моего вызова.

Минут через тридцать Станкевский позвонил и сказал:

— Командарм одобрил ваше решение, приступайте к его осуществлению.

Все, что нельзя было вынести и доставить в наше расположение, разведгруппа уничто-

жила, в том числе два вмороженных в землю орудия. Два склада боеприпасов, землянки и дзоты были взорваны. И все это под непрерывным огнем противника. Услышав взрывы, он бросился в атаку. Но вражеские солдаты налетели на минное поле. Снег и земля взметнулись в небо, раздались крики и стоны. Финны прекратили атаку. Наступила тишина. Опорный пункт противника полыхал ярким огнем. Разведгруппа в боевом порядке стала отходить на свой рубеж — к Лодейному Полю. В это время с флангов — справа и слева застroчили вражеские пулеметы. Но теперь противник в атаку уже не бросался.

К утру 17 декабря наши бойцы вернулись на исходный рубеж. Они тут же были направлены в баню, а после завтрака им предоставили суточный отдых. Не спали только командиры. Они составляли сведения о потерях (четверо убитых и двадцать три раненых), списки особо отличившихся в бою. Пятьдесят два героя были представлены к наградам.

В бою особенно отличилась артиллерия полка, которой командовал старший лейтенант Петросян. Она уничтожила чуть ли не весь вражеский батальон. Сыграли роль и саперы, умело заминировавшие подходы к захваченному у врага опорному пункту. Четко и слаженно работали связисты, которыми оперативно руководил начальник связи, он же парторг полка, Алексей Максимович Овчинников.

Другие два полка поставленную им боевую задачу не смогли выполнить. Причин неудачи было несколько. Когда разведгруппа 1076-го полка вышла на исходные позиции, артилле-

рия начала обработку переднего края противника. Через несколько минут в нашу сторону полетели снаряды. В разведгруппе появились убитые и раненые. В дальнейшем попытки продвинуться вперед успеха не имели. Спустя сутки разведгруппа все же ворвалась в деревню Чубаркина Горка, но «языка» взять не смогла и, неся потери, вынуждена была вернуться на левый берег Свири.

На левом фланге дивизии разведку боем проводил 1074-й стрелковый полк майора Фокина, который выделил для этой цели второй батальон Воскобаёва. Ему предстояло овладеть мукомольным заводом, где находился ротный опорный пункт противника. И здесь вражеская артиллерия упредила действия наших воинов. Они уже подходили к правому берегу Свири, как один из снарядов упал рядом с командиром батальона. На льду образовалась громадная полынь, которая погребла Воскобаева. И все-таки противник был выбит из опорного пункта. Воины, ободренные и увлеченные успехом, начали преследовать спешно отходящего врага. Однако сказалась потеря управления сверху. Противник подбросил из резерва пехотный полк, вновь занял свой опорный пункт на территории мукомольного завода и полностью отрезал нашему батальону пути отхода. Все, кто находился на левом берегу Свири, слышали отдаленный бой в глубине обороны противника, но помочь своим боевым товарищам ничем не смогли. Посланная для связи с батальоном разведка понесла потери и вынуждена была вернуться на левобережье. Большая часть бойцов батальона погибла в жестоком, неравном бою.

Позже этот бой всесторонне анализировался. Обращалось внимание и на действия командиров. Много говорилось, в частности, о Фокине. Он проявил незаурядные способности в период сражений под Новой Сегежой и Горкой, за что был удостоен высокой награды. Но ему все-таки не хватало определенных знаний, необходимых командиру полка, что признал он и сам. Поэтому решено было послать майора Фокина на учебу, и он стал слушателем Военной академии. Окончив ее, наш однополчанин возвратился на фронт и не раз отличался в боях.

Утром 17 декабря 1941 года перед участком обороны 1078-го стрелкового полка появились подразделения вновь прибывшей пехотной дивизии противника. Это подтвердили показания «языка», добытого нашей разведкой. Примерно в девять часов утра на противоположном берегу Свири показались офицеры с планшетами в руках и попали под наш внезапный массированный пулеметный, минометный и артиллерийский огонь. После этого, потеряв несколько человек убитыми и ранеными, противник понял, что местность нами хорошо пристреляна. В тот же день разведгруппа 1076-го полка силою до роты ворвась в деревню Чубаркина Горка, и перед неприятелем встал уже вопрос не о захвате Лодейного Поля, а об удержании обороны на Свири. Через два дня колонны пехотной дивизии врага потянулись обратно, на север. Он не рискнул ввязаться в бой, почувствовав, что это не августовские и даже не сентябрьские дни. Противник наткнулся на крепкую, надежную оборону и ощущил на себе меткую стрельбу ар-

тиллерии, минометов, пулеметов, снайперов. В это время немецкие войска, вышвырнутые из Тихвина, поспешно отходили на Волхов и, конечно, ждали помощи от своих финских союзников, надеясь, что те перейдут в наступление на Свири и тем самым облегчат незавидное положение отступающих. Оборона советских войск на Свири крепла день ото дня.

После каждого боя политработники рассказывали о прошедших событиях, знакомили бойцов с героями той или иной операции. Так стало известно о подвиге сапера Павла Ивановича Гончара в бою за Свирьстрой в апреле 1942 года. Один из наших танков был подбит в нейтральной полосе. Вражеские солдаты предприняли попытку с помощью тягачей отбуксировать машину в свое расположение. Но из-под танка на них посыпались пули, посланные каким-то храбрецом. Прошло десять дней, прежде чем было установлено имя отважного красноармейца. Им оказался Гончар. Он устроил укрытие под бронированной машиной и вел неравный поединок с захватчиками. Да, это был настоящий подвиг, свидетельство отваги и воинской смекалки. Стойко держаться одному против своры вояк без запасов продовольствия и воды — это походило на чудо. И Родина по достоинству оценила действия красноармейца: ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Как говорил позже Павел Иванович, он мог бы продержаться на своей огневой точке еще дольше, если бы его миновала вражеская пуля. Только ранение вынудило бойца покинуть танк и вернуться в свое подразделение.

Политработники пользовались каждой возможностью для того, чтобы сплотить коллективы частей и подразделений в единую, монолитную боевую семью. Комиссары 1074 и 1078-го, батальонные комиссары полков Кошелев, Дмитриев, 530-го зенитно-артиллерийского дивизиона — старший политрук Алексеев, парторг 1078-го полка политрук Алексей Максимович Овчинников и другие применяли различные методы и формы политической работы. Прежде всего, это красноармейские собрания и конференции, участники которых обменивались боевым опытом; митинги и коллективные и индивидуальные беседы с сержантами и солдатами. Все это способствовало духовному сплочению защитников Родины, созданию единой ратной семьи, способной громить и побеждать чужеземных захватчиков.

...Солдатская, боевая семья. С трудом поддается она описанию, характеристике. Это особое явление. Находясь на протяжении долгого времени рядом друг с другом, плечо к плечу, каждый воин хорошо узнает своего соратника, его привычки, наклонности, способности. И каждый готов грудью защитить товарища. Во многом скрашивала нелегкие фронтовые будни, выручала в трудные часы и минуты боя солдатская смекалка.

В окопах всегда находились умельцы. Один смастерит мундштук или курительную трубку, другой — портсигар. Да еще и украсят свои изделия инкрустацией или резным орнаментом. Хоть в музей отправляй! А сколько самодельных зажигалок кочевало из рук в руки! Из гильз артиллерийских снарядов вы-

ходили хорошие светильники, которым пользовались не только солдаты и офицеры, но и генералы.

Природная сметка советского солдата не раз использовалась нашими командирами в оборонительных и наступательных боях и приносила большую пользу.

Вспоминаются первые бои у Лодейного Поля. В те дни наши воины с перебоями получали продовольствие. Особенно сказывалась нехватка хлеба. И однажды ко мне подошел командир хозяйственного взвода и попросил разрешения съездить в город. Оказывается, там находились склады с продовольствием, которые постоянно подвергались артобстрелу противника. А наши хозяйственники договорились с товарищами из местного исполкома о вывозке из разрушенных складов муки, различных круп и других продуктов. Правда, стоило это больших трудов. Погрузку нередко приходилось вести под артиллерийским огнем. Хоть и делалось это ночью, немецкие и финские снаряды причиняли большое беспокойство. На время погрузки продуктов лошадей выпрягали из повозок, прятали в укрытие. Нередко возникали и пожары. На борьбу с огнем надо было выделять людей. Бойцы и здесь проявляли отвагу, бесстрашие, несмотря на то, что каждый из них рисковал своей жизнью. А обстановка была очень напряженной. Бой за хлеб был для некоторых солдат последним. Тяжело было докладывать о гибели воинов тыловых подразделений, но такой ценой нам доставалось продовольствие.

Но мало иметь муку. Из нее еще надо испечь хлеб. И здесь выход был найден. Хозяй-

ственники договорились с женщинами Шамокши, и те пришли на помощь. Так появилась у нас своя, батальонная пекарня.

Был в нашем батальоне кочующий 82-миллиметровый миномет, рожденный солдатской смекалкой. Его расчет, заметив скопление вражеской пехоты, посыпал четыре-пять мин, затем грузился на повозку, а зимой — на розвальни, и по лесной дороге несся до следующей позиции. Артиллерия противника открывала огонь по тому месту, откуда только что стрелял миномет, но, естественно, не причиняла его расчету вреда.

Выручала фронтовая смекалка и зимой 1941-го. В ноябре установились лютые морозы. Саперы с помощью пехотинцев набросали на землянки снега толщиной по полутора метров и утрамбовали его. Получилась куполообразная крыша. Ее залили водой. Теперь снаряды противника не причиняли сколько-нибудь заметного вреда: ударившись о ледяной купол, отскакивали и разрывались в стороне от наших жилищ.

В те же дни солдаты нашего батальона нередко произносили слова «война с кострами». Вот как произошло это выражение. Далеко в тылу землянок на болотистой местности красноармейцы разводили огонь. Наносят ночью сырых пней, валежника, веток, и а на рассвете подожгут. Не столько горят такие костры, сколько тлеют, в течение нескольких суток испуская густой и едкий дым. Противник, предполагая, что именно в этом месте находятся наши землянки, начинает обстреливать костры. Снаряды летят через передовую. Их осколки не опасны: уходят в болото. А на-

ши наблюдатели в это время уточняют, засекают огневые точки врага.

Среди нелегких солдатских будней выдавались и праздники. В один из таких дней в полк позвонили с КП дивизии. В трубке раздался голос писателя Ивана Петровича Шухова. После приветствия он спросил:

— Можно ли сейчас приехать к вам, в Лодейное Поле?

— Зачем же рисковать, Иван Петрович? Слышите, какой здесь у нас «концерт». Это противник бьет по городу.

— Да, слышим, но нам хочется увидеть своих земляков.

— Но сейчас к нам приезжать нельзя.

— А когда мы сможем приехать?

— Часа через два, когда огонь противника слабее станет. Вот тогда милости просим.

Часов в одиннадцать утра, когда немного поутих артиллерийский огонь противника, в Лодейное Поле приехала североказахстанская делегация. Встреча была душевной, радостной. К этому времени мы сумели от каждого подразделения вызвать с передовой в свой клуб по два-три человека, собрали бойцов резерва и тыловых подразделений.

Громкие, радостные возгласы, разговоры, объятия, поцелуи. Неожиданной и трогательной была встреча старых товарищей — машиниста Якимушкина и временно исполняющего обязанности комиссара полка Жаринова. Возле стола президиума разговорились И. П. Шухов и один из храбрейших воинов нашей дивизии М. И. Ралдугин. Оба уроженцы Прес-

новки. Значит, есть о чем поговорить, вспомнить, есть кому передать фронтовой привет.

Наступила тишина. Наши гости — на видном и почетном месте. Все собравшиеся долгими аплодисментами встретили приветствие трудящихся Северного Казахстана. Иван Петрович вручил бойцам пакеты — гостинцы земляков. Внимательно слушали фронтовики рассказ лектора Северо-Казахстанского обкома партии Лукошина о великом русском полководце А. В. Суворове, о суворовской науке побеждать. Позже гости рассказали о трудовых успехах коллективов промышленных предприятий, совхозов и колхозов.

Во время праздничного обеда, устроенного в честь гостей, они рассказали о том, как готовилась эта поездка. Ее инициатором был И. П. Шухов, которого поддержали обком партии и облисполком. Начался сбор подарков. В основном это были теплые вещи, которые оказались кстати, так как зима сорок первого выдалась очень суровой. Шапки-ушанки, валенки, полушибки для воинов показались самыми теплыми из тех, что приходилось когда-либо носить. Согревала забота родных, близких, земляков. С удовольствием командиры и красноармейцы пробовали и кондитерские изделия, с любовью и старанием приготовленные женскими руками.

Ночью Иван Петрович побывал на передовой, беседовал с наблюдателями, осматривал траншеи. Потом зашел в дзот. Все, кто там находился, с большой радостью приняли писателя-земляка. Долго он беседовал, расспрашивая о фронтовой жизни, отвечал на вопросы. Иван Петрович так и не отдохнул в ту

ночь, стараясь набраться больше фронтовых впечатлений. Утром его снова видели среди красноармейцев и сержантов, как и других наших дорогих гостей. Они знакомились с условиями фронтовой жизни. Позже делегация в беседе с командным составом дивизии с удовлетворением отметила высокий моральный дух воинов. Высоко отзывалась и об искусстве поваров. А ведь иногда на фронт приходили посылки с сухарями: матери и жены, как обычно, беспокоились о своих сыновьях и мужьях. Обмундирование тоже было хоть куда.

В тот же день делегация уехала в другие полки, пообещав еще раз завернуть к нам, чтобы проститься. И гости сдержали свое слово. У командного пункта полка к тому времени собралось много красноармейцев и командиров, в том числе и из соседних подразделений. Они рассказывали о подвигах однополчан, клялись не давать пощады врагу ни днем, ни ночью. Воины благодарили партийные и советские органы Казахстана, его трудащихся за проявленную заботу о фронтовиках. Как-то острее почувствовалось, что мы не одни, что армия и народ, фронт и тыл едины, что с нами партия.

Так было положено начало установлению связей воинов-казахстанцев с земляками. Они еще несколько раз приезжали в дивизию.

Всего в годы войны население Северо-Казахстанской области отправило на фронт около 121 тысячи теплых вещей, в том числе пять тысяч пар валенок, более восемнадцати тысяч варежек и рукавиц, около двадцати четырех тысяч ватных телогреек и брюк, около двадцати одной тысячи шапок-ушанок. У бой-

цов появились кисеты, вышитые девичими руками.

С первых дней войны трудящиеся страны стали вносить свои сбережения, ценные вещи в фонд обороны. По примеру тамбовских тружеников сельского хозяйства колхозники колхоза «Память Кирова» Северо-Казахстанской области сдали государству миллион рублей и попросил Центральный Комитет партии и Советское правительство построить на эти средства танковую колонну «Североказахстанский колхозник». Председатель колхоза сдал 130 тысяч рублей, колхозник Федулов — 20 тысяч рублей.

Из семьи колхозников Тепляковых на фронт ушли девять человек. Их родственники, оставшиеся в тылу, в колхозе имени Вильямса, внесли в фонд обороны сто тысяч рублей. Совет жен фронтовиков областного центра собрал 40 тысяч рублей на постройку самолета «Боевые подруги».

В первый год войны железнодорожники станции Петропавловск безвозмездно сдали государству средства, за счет которых был построен бронепоезд «Североказахстанец». В июле 1942 года он был направлен на Сталинградский фронт. Первым его командиром стал капитан М. М. Стаценский, который сейчас живет во Владивостоке. Экипаж бронепоезда принимал участие в освобождении Украины, Белоруссии, Польши, Прибалтики, а летом 1945 года его отправили на Дальний Восток. Неплохо было бы «красным следопытам» заняться героической историей бронепоезда.

Подарки трудящихся, коллективные пись-

ма, обращения к воинам фронта Центрального Комитета Компартии Казахстана и правительства республики сыграли огромную роль в постоянном повышении морального духа воинов нашей дивизии. Ее бойцы и командиры, получив весточку из родных краев, ощущали тепло и заботу своих земляков, близких, друзей, знакомых.

Мирное население, оказавшееся в прифронтовой полосе, постоянно проявляло заботу о своих защитниках. В селе Алеховщина была открыта бытовая мастерская, которая обслуживала воинов. Когда медсанбат дивизии находился в селе Люговичи, многие из местных девушек вызвались работать медицинскими сестрами и нянями. Много усилий приложили и железнодорожники Лодейного Поля, чтобы, несмотря на частые артобстрелы станции, она работала бесперебойно. Нередко маневры поездов здесь проходили под огнем вражеской артиллерии. В таких условиях железнодорожники исправляли повреждения в водонапорной башне, вместе с бойцами тушили пожары. При подходе к станции машинисту паровоза требовалось мастерство, мужество. Железная дорога хорошо просматривалась со стороны противника, и он, заметив наш поезд, начинал артобстрел. Машинист то замедлял движение, то ускорял. Правда, ему в этом случае хорошо помогали наши артиллеристы, завязывая своеобразную дуэль с неприятелем, и обычно выигрывали поединок.

Мирное население, в том числе женщины, девушки, старики, подростки, пользуясь любым случаем, помогали воинам оборудовать оборонительные сооружения, участвовали в

заготовке строительного леса и на других работах. Все это намного облегчало тяжкий солдатский труд. А воинам действительно приходилось нелегко. Они строили землянки и дзоты в три-четыре, а то и в пять накатов, опутывали позиции сетью проволочных заграждений, устанавливали препятствия, противопехотные и противотанковые мины. Так было в боях на Свири, под Тихвином, Волховом.

Советские войска в начальный период Великой Отечественной войны и в обороне стремились к активным действиям, поэтому она требовала постоянного совершенствования. Правда, опыта у наших бойцов и командиров еще было недостаточно, он приходил со временем. Помнится, в начале ноября 1941 года я, будучи командиром батальона 1074-го полка, пошел проверить, как оборудованы траншеи и проволочные заграждения в обороне седьмой стрелковой роты юго-восточнее села Ручьи. Оказалось, что ход сообщения между пулеметными площадками не был доведен до конца, и мне пришлось покинуть траншею, чтобы осмотреть и проволочные заграждения. Только отошел на несколько метров от окопов, как со стороны противника застрочил станковый пулемет. Его огонь отрезал путь к траншее, и мне ничего не оставалось делать, как попластунски преодолевать открытую местность, чтобы оказаться на конец в лесу, в расположении второй линии обороны. Все кончилось благополучно. Наши артиллеристы метким огнем заставили замолчать пулемет противника. Но главное было не

в этом, а в том, что командиры не заметили упущений при оборудовании траншей. Позже, конечно, ошибка была исправлена. Это был предметный урок необходимости продуманных, целенаправленных действий бойцов.

Вспоминается в связи с этим и другой случай. Как-то я возвращался из штаба полка по лесисто-болотистой местности со связным. Не успели мы пройти и двухсот метров, как над нами появился неприятельский самолет. Его пилот открыл пулеметный огонь, и красноармеец распластался на земле. Я же прижался к дереву. Все обошлось без жертв. Но самолет сделал второй разворот. И снова связной упал, хотя я крикнул ему, чтобы он последовал моему примеру, наскоро объяснив при этом, что в таком положении живая цель с высоты незаметна. Однако страх оказался сильнее разума, и в результате боец получил ранение.

Воинам необходимо было постоянно учиться, набираться боевого опыта. С этой целью у нас, например, один из трех стрелковых батальонов периодически выводился в тыл. Здесь он, кроме того, получал пополнение. Во время занятий на местности отрабатывались действия в обороне, наступлении и разведке боем. Большое внимание уделялось мастерству владения всеми видами стрелкового оружия и взаимодействия с соседними и придаными подразделениями. Скрытность сближения с противником, бой в лесисто-болотистой местности, форсирование водных преград — эти и другие действия наших воинов были предметом учебы отделений, взводов, рот, батальонов дивизии. К слову сказать, набранный и

усвоенный в боях на Ладожско-Онежском перешейке опыт наших войск пригодился потом в Тихвинской операции, в которой принимали участие многие бойцы и командиры 7-й Отдельной армии.

А время шло своим чередом, работало на нас, способствуя совершенствованию и расширению воинских знаний бойцов и командиров Красной Армии. Об этом ярко свидетельствовал успех под Тихвином — первая победа советских войск над гитлеровскими захватчиками в наступательных боях в период Великой Отечественной войны.

В дивизию часто приезжал командующий 7-й Отдельной армией генерал-лейтенант Ф. Д. Гореленко. Филипп Данилович в обычной обстановке казался добродушным, спокойным человеком, хотя за его плечами было немало фронтовых дорог. Прославленный генерал здоровался с каждым из находившихся рядом офицеров дивизии за руку, внимательно выслушивая короткие данные своего нового знакомого и соратника — занимаемую должность, воинское звание, фамилию. Увидев участника гражданской войны сказал:

— Мы с вами уже не молодые, понюхали пороху. А вот в нашей дивизии почти каждый взводный или ротный — молодые, неопытные лейтенанты. Ваша обязанность — натаскивать их, учить, учить постоянно, чтобы каждый знал свое дело.

И сам Ф. Д. Гореленко, и начальник штаба армии Крутиков проводили тактические занятия с командирами полков, умело составляя план учебы. Уже тогда, используя карты, мы решали задачи по обходу дотов и укрепленных

взводных и ротных опорных пунктов противника.

В конце ноября, в самый разгар тяжких боев на реке Свирь меня назначили командиром 1078-го полка. Трудно расставаться со своим батальоном, с товарищами, с которыми столько времени делил горести и радости. Но что поделаешь? Приказ есть приказ.

Вступил в новую должность, и в тот же день одна из моих рот получила задачу перейти Свирь и атаковать противника. Выяснилось, что командир роты не продумал до конца действия в бою, при подготовке к которому были допущены серьезные промахи. В частности, никто не позаботился о том, чтобы сделать проходы в минных полях и проволочных заграждениях, не выделили артиллерийских корректировщиков. Выявились и другие неувязки. Пришлось их устранять на ходу, перед самым боем. Командир роты получил более конкретную, уточненную задачу: атаковать и уничтожить противника в его взводном опорном пункте и вернуться в свое расположение.

В пять часов утра еще при форсировании реки рота завязала бой с противником. Ее продвижение вперед было приостановлено. Хуже того, наши воины оказались в окружении. Пришлось на выручку высыпать еще одну роту. И это возымело свое действие. Противник отступил, и обе роты вернулись в свое расположение. Тяжело была воспринята весть о том, что погиб политрук Лабутин, который часто личным примером воодушевлял красно-

армейцев. Еще в сражении за Подпорожье он проявил героизм. Тогда, будучи раненным, он не покинул строй. А за подвиги в боях за Лодейное Поле политрук получил высшую награду Родины — орден Ленина.

Подробности этого боя были обсуждены и проработаны в частях и подразделениях дивизии. Выводы пригодились нам в последующих боях.

В зиму 1941—1942 года противник неоднократно делал попытки прорваться через Свири. Так было и в конце января 1942 года, когда в полосе обороны 67-й стрелковой дивизии он ночью форсировал реку, вводя в бой все новые и новые резервы. Но бойцы стойко защищались более десяти дней, а затем отбросили неприятеля на его исходные позиции. Это была его последняя попытка потеснить советские войска, которая стоила врагу больших потерь в живой силе и технике. С тех пор река Свири стала для финнов неприступным рубежом. Упрочилась наша оборона, совершенствуясь день ото дня. Причем она носила активный характер. Враг не знал покоя ни ночью, ни днем. Особенно усилились разведывательные поиски подразделений и действия наших снайперов.

Нам нередко наносила ущерб немецкая авиация. Советские ястребки редко появлялись в небе. Еще сильны были своим количеством вражеские стервятники. Об этом напомнил нам внезапно появившийся над Свирию краснозвездный одноместный самолет. Пилоту подали сигнал приземлиться на дорогу, в расположении нашей обороны. Но он, очевидно, не понял этого и, сделав несколько кругов

над Лодейным Полем, посадил машину на лед посередине реки. Тут же со стороны противника полетели снаряды, и самолет сгорел. Добраться до своих пилотов помогли красноармейцы, которые прикрыли его дружным огнем. На КП летчик рассказал, что он летел из Москвы в штаб Ленинградского фронта и его встретили немецкие истребители. Уходя от преследования, московский посланец прижался к лесу, потерял ориентировку и очутился над нашими позициями. После короткого отдыха наш гость отправился на машине выполнять данный ему приказ.

Были дни, когда командованию дивизии крайне требовался «язык». С этой целью 1076-й полк четыре раза проводил разведку боем. Бойцы приобрели опыт быстро преодолевать Свирь и завязывать бой у переднего края противника, но все безуспешно: каждый раз воины возвращались без пленных. Казалось бы, выручил из затруднительного положения заместитель командира 76-миллиметровой полковой батареи 1074-го полка Игорь Медынин, который прошел по военным дорогам всю войну и ныне продолжает служить в Советской Армии. Осматривая в бинокль передний край противника, он заметил там странный снежный бугор, к которому прилегала лыжня. Она выделялась очень ярко, так как поблескивала на солнце. За бугром было установлено постоянное наблюдение. Первым разгадал загадку командир отделения Бражник. Ночью он доложил, что к бугру подошли два солдата противника, и вскоре оттуда начали взлетать в сторону реки осветительные ракеты. Через три дня началась операция по

захвату ракетчиков. В специальную группу выделили полковых разведчиков. Ее бойцы еще до прихода финских солдат к бугру укрылись за ним и стали ждать. Как только над Свирию зажглась первая осветительная ракета, наши артиллеристы сразу же открыли огонь и отсекли путь отхода финнам. В рукопашной схватке были убиты три солдата противника, четвертый был тяжело ранен, и его не смогли доставить живым.

Но все же «язык» был захвачен, правда, на участке обороны соседа дивизии справа, и пленный дал ценные сведения.

В апреле 7-я Отдельная армия получила приказ перейти в общее наступление и улучшить занимаемые рубежи. Началась подготовка к боям и в 314-й стрелковой. Ей предстояло овладеть Свиристроеем в районе Свибирской ГЭС, где противник оборудовал опорный пункт, основой которого был дот. Догадавшись о наших приготовлениях, финны подтянули сюда резервы, возвели дополнительные инженерные сооружения и препятствия, усилили противопехотные и противотанковые минные поля. Непосредственно в бой должны были идти 1074 и 1076-й полки. Им были приданы пять танков. Наступление обеспечивали 858-й артполк полковника Н. Д. Петрачкова, 590-й зенитно-артиллерийский и противотанковый дивизионы, несколько минометных подразделений. Кроме того, в каждом стрелковом полку имелись свои 76- и 45-миллиметровые батареи. 1078-й полк получил приказ: сменив батальон 1076-го полка в районе Пиркиничей, держать оборону и на этом участке. Удлиня-

лась ее полоса и западнее Лодейного Поля.

Наступление началось в 7.30 11 апреля с артподготовки. Боем руководил заместитель комдива подполковник Бураковский. После мощной обработки позиций врага вперед выдвинулись танки, за ними устремились пехотинцы. Однако противник сумел прийти в себя и открыл по наступающим такой силы огонь из всех видов оружия, что вынудил наступающих залечь. Танки, продолжая продвижение, подорвались на минах или были подбиты артиллерией противника. Капитан Г. А. Здоровьев и политрук Поротиков пытались личным примером увлечь своих бойцов, но оба были тяжело ранены. Наступление не принесло желаемых результатов. Так закончилась попытка овладеть Свирьстроем. При разборе подробностей боя командиры подразделений пришли к выводу, что был упущен момент внезапности. Это послужило уроком на будущее. Тем не менее, неприятель чувствовал, что против него накапливаются силы, и в оставшиеся апрельские дни продолжал подтягивать резервы.

В те дни на усиление 7-й Отдельной армии прибыла 368-я дивизия, сформированная в Тюменской области. Она с ходу вступила в бой в районе Ошты Вологодской области, сменив 272-ю дивизию. Некоторые бойцы и командиры нового соединения участвовали в гражданской войне, и их массово-разъяснительная работа имела большое значение для того, чтобы сплотить состав дивизии в монолитную ратную семью. Она оказала существенную поддержку другим воинским формирова-

ниям, которым удалось значительно улучшить свою оборону. Правда, погодные условия — туман, изморозь, снегопады, перепады температуры — не благоприятствовали пока наступательным операциям наших войск.

В ходе боев появлялась возможность судить и о силе противника. Оказалось, что он разбросал, распылил свои резервы по различным направлениям и в результате не смог успешно действовать на Онежско-Ладожском межозерье. Его план наступления провалился, причем окончательно, и он перешел к обороне. Пленные показывали: финские офицеры стали говорить о том, что в лице советских военачальников они имеют серьезных, грамотных противников.

В мае наша дивизия была выведена в резерв для пополнения и укомплектования в район села Люговичи Лодейнопольского района. Там она стояла до середины сентября, а в конце месяца, совершив 80-километровый марш, сосредоточилась под Синявино, влившись в состав войск Волховского фронта. Дивизия сразу же вступила в изнурительные, тяжелые бои. Они длились вплоть до декабря 1943 года.

После прорыва блокады Ленинграда в январе 1944 года 314-я вела активные оборонительные бои на левом фланге Ленинградского фронта в полосе Роща Круглая — Гонтовая Липка — Гайталово. В те дни по берегу Ладожского озера была проложена железная дорога, которая связывала город Ленинград с «Большой землей». По этой магистрали день и ночь шли железнодорожные составы, перевозившие боеприпасы, вооружение, снаряже-

ние, продовольствие для ленинградцев. Тогда же немецкое командование предприняло попытку улучшить свою линию обороны. Однажды ранним утром противник начал яростную артиллерийскую подготовку. Огонь велся в основном по боевым порядкам 1074 и 1076-го стрелковых полков, которые находились в первом эшелоне. Правда, стрелковым подразделениям артобстрела особого ущерба причинить не мог, поскольку у нас были хорошо устроены окопы — пехота научилась надежно их оборудовать. Наша артиллерия открыла ответный огонь. Немецкие батареи вскоре перенесли действия в глубину обороны дивизии. И сразу же перед позициями двух полков появились цепи вражеской пехоты. С каждым шагом они редели под интенсивным автоматным и пулеметным огнем, но их сменяли все новые и новые подразделения. Главный удар наступающих был нацелен на второй батальон 1074-го полка, в траншеях и окопах которого неоднократно завязывались бои, переходившие в рукопашные схватки.

У щоссе Синявино — Путилово, на обрывистом берегу реки Черная, стояла 76-миллиметровая пушка полковой батареи 1074-го полка. Расчет вел огонь по наступающим цепям пехоты немцев, прикрывая мост через реку. Артиллеристы проявили в эти несколько часов боя лучшие качества советского солдата. Немцы несколько раз открывали огонь из минометов по позиции орудия, но как только он прекращался, отсюда вновь неслись снаряды в сторону врага и его цепи откатывались назад.

Лишь поздно вечером утих грохот сраже-

ния. Наступила непривычная тишина. Начальник полковой артиллерии капитан И. В. Медынин пошел к расчету, который так бесстрашно вел поединок с противником. Он увидел изувеченное, обгорелое орудие. Рядом, на груде стреляных гильз лежал тяжелораненый наводчик Сюникаев. Два его товарища были убиты, а двум другим требовалась срочная медицинская помощь. Раненых быстро отпра-вили в медсанбат.

С таким же упорством и мужеством воины дивизии шли вперед, отбивая у врага захваченные им города и села, освобождая родную землю.

В феврале 1945 года соединение вело наступление в направлении города Факув. На пути движения 1076-го полка, которым коман-довал майор П. В. Гурьев, встретился сильно укрепленный опорный пункт противника у го-рода Пильгув. Для его обороны гитлеровцы сосредоточили здесь много техники — танки, бронетранспортеры, зенитную артиллерию. Попытка воинов полка захватить вражеские позиции с ходу не имела успеха. Противник отбил две наши атаки.

Наступала ночь. Майор Гурьев вместе с другими офицерами стал разрабатывать план дальнейших действий. Было решено выслать две группы разведчиков. К двум часам ночи одна из них донесла, что противника на северной стороне города нет и западный берег реки Ниса немцами не занят. После этого второму стрелковому батальону капитана Варова, пол-кавказским батареям 76- и 45-миллиметровых про-тивотанковых пушек под общей командой Гурьева до наступления рассвета удалось зай-

ти в тыл неприятеля и перерезать дороги на Krakow и Вольброн. В это время другие два батальона полка завязали бой с противником, который и не подозревал, что он отрезан от своих главных сил. В течение дня артиллеристы, обошедшие гитлеровцев с тыла, открыли для орудий огневые позиции и траншеи с ходами сообщения. Стрелковые подразделения капитана Варова тоже хорошо окопались. Поздно вечером по команде майора Гурьева артиллеристы открыли огонь по опорному пункту. Такого оборота дела противник не предвидел. Лишь теперь ему стало ясно, что он оказался в окружении.

Ночью, оставив небольшой заслон, враг стал отступать и попал в засаду. Весь участок боя беспрерывно освещался ракетами. Противник, ведя огонь из всех видов оружия, шел напролом. Наши воины не ожидали, что враг сосредоточил в опорном пункте превосходящие силы, и удержать всю эту массу техники и живой силы не смогли. Тем не менее, после двухчасового боя воины-казахстанцы вывели из строя пять неприятельских танков, семь бронетранспортеров и пятнадцать автомашин. Дороги и кюветы в районе боя были усеяны трупами гитлеровцев. Противник потерял здесь около шестисот человек, из которых двести пятьдесят сдались в плен.

В дальнейшем дивизия принимала участие в освобождении Домбровского угольного бас-сейна — одного из крупнейших промышленных районов Польши. Закончила она свой славный путь в Чехословакии.

Некоторые из боевых эпизодов, касающихся этого соединения, я записал по воспомина-

ниям его ветеранов и по архивным данным, так как в первых числах апреля 1942 года меня перевели на должность командира 1224-го стрелкового полка 368-й дивизии, которая вошла в состав 7-й Отдельной армии в марте того же года, а через месяц сменила части 271-й стрелковой дивизии, заняв оборону на реке Ошта в полосе озеро Онежское — Копово. И у этого соединения была та же задача, что и у 314-й стрелковой, ставшей мне родной, близкой на всю жизнь. Мой полк был также нацелен на север, только располагался теперь значительно правее на огненном свирском рубеже. Правда, сибиряки занимали его значительно южнее реки и им предстояло еще с боем подойти к берегам и форсировать ее.

Партийно-политическая работа среди воинов велась систематически. Немаловажное место занимали такие мероприятия, как разъяснение путем бесед, докладов международной и внутренней политики партии, убедительные рассказы об огромной помощи тружеников тыла фронту, о героизме советских солдат и офицеров, вручение орденов и медалей солдатам и сержантам. Получали награды и раненые воины. В моем личном архиве сохранилось письмо красноармейца В. Соломатина, опубликованное 7 июня 1944 года в армейской газете «Во славу Родины».

Вот что писал боец: «Во время разведки боем я и несколько моих товарищей автоматчиков были ранены, и нас положили в госпиталь. Благодаря заботам врачей и медсестер, наши раны быстро заживали, силы восстанавливались. Некоторые из раненых уже начали ходить. И вот на днях в госпитале произошло

событие, которое запомнится мне и моим товарищам на всю жизнь. К нам в палату-землянку прибыл командир нашего подразделения офицер Ивановский. Был зачитан приказ командования о награждении группы бойцов, отличившихся в разведке. С большим волнением я услышал в этом списке и свою фамилию. Красноармейцу Яблонскому командир вручил медаль «За отвагу». Яблонский смелый воин. Во время схватки в траншеях он был в самых опасных местах... Медаль «За боевые заслуги» была вручена красноармейцу Залетову, который решительно действовал во время разгрома вражеских землянок. Мне командир вручил медаль «За отвагу». Получив награду, мы горячо поблагодарили командование и дали слово, что будем драться с врагом еще крепче во славу нашей любимой Родины».

Боец Соломатин отличился в разведке боем, о котором он написал в газету из госпиталя. А дело было так.

Сторожевое охранение нашего полка в районе села Осиново очень близко, метрах в ста-шестидесяти, находилось от вражеского дзота, который стоял словно заколдованный — его не могли уничтожить или разрушить снаряды. Естественно, что эта огневая точка причиняла много беспокойства. В декабре 1944 года разведчики выяснили, что мы ошибались, принимая долговременную бетонированную огневую точку за дерево-земляную. Тогда же было решено сделать подкоп под дот и подорвать его. Эту мысль подал полковой инженер капитан Игнатьев.

Началась работа. По ночам на протяжении зимы, а потом и весной солдаты прокладыва-

ли туннель от наших позиций в сторону злополучного дота. Трудно приходилось бойцам. Туннель заливало водой даже в сорокаградусные морозы. Притом почву надо было аккуратно вынести, разбросать ровным слоем и прикрыть снегом для маскировки. Вплоть до начала мая преодолевали наши солдаты эти сто шестьдесят подземных метров. В конце подкопа хорошо прослушивались топот вражеских солдат, которые ходили в доте, скрип его дверей. Мы опасались, что пол может дать осадку, обвалиться и все наши усилия пойдут насмарку. Но подкопом не исчерпывалась операция. Было решено провести и разведку боем, для чего намечалось выделить до роты автоматчиков под командованием капитана Г. С. Князева. Десять дней они готовились к этому. Проводил занятия заместитель командаира полка по боевой подготовке майор Винокуров. Очень тщательно автоматчики отработали предстоящую операцию. Для сосредоточения роты в исходном положении за сутки до боя невдалеке от дота была вырыта траншея. По фронту обороны полка в районе Ошта — Димшино на протяжении семи километров в тридцати разных местах наши саперы зарыли взрывчатку, в том числе и в подкопе под дотом. Заряды должны были срабатывать поочередно, друг за другом, и автоматически. Таким образом достигалась одна из целей — отвлечь внимание противника, ввести его в заблуждение с расчетом на то, чтобы он не догадался об истинных наших планах и действиях.

Наступило утро 16 мая. День обещает быть солнечным, безветренным. Притихли исполин-

ские ели и сосны, отдыхая после ночных грохота. В небе парят коршуны. С нейтральной полосы после каждого выстрела взлетают стаи грачей.

На исходе десятый час утра. В это время вражеские солдаты и офицеры всегда завтракали. С наблюдательного пункта хорошо видно, как последний солдат противника отошел от кухни. Другие уже насытились и готовились ко сну.

Тишину прорезала команда:

— По указанным целям — огонь!

Вражеский гарнизон оказался отсеченным от дзотов и дотов артиллерийским огнем. Воины полка, заняв места в окопах и траншеях, стали громко кричать «ура». В районе Ошты наши химики подожгли дымовые шашки. Тут же один за другим стали взрываться и заряды. Вздрогнул дот. Его заволокло дымом. Взлетела вверх земля. Она погребла орудие, пулеметы и находившихся там солдат. Сразу же бросились вперед автоматчики капитана Князева. Бойцов увлекли за собой командиры взводов коммунист Иван Алексеевич Воробьев и комсомолец Алексей Никитович Чунихин. Сравнительно удачно преодолев пятьсот метров, автоматчики неожиданно для противника ворвались непосредственно в его расположение. Изредка возникали короткие рукопашные схватки. На сближение с врагом смело шли коммунисты старший сержант Яков Чирков и сержант Николай Ильич Мысовских, комсомольцы рядовые Хавкунов, Бутарин, Корсаков, Манаков, Паушев, Муравьев, Соловьев, Исаев и другие. Особенно отличился лейтенант Чунихин, лично уничтожив пять солдат противника.

Выполнив боевую задачу, рота возвратилась в расположение полка. Захваченного «языка» отправили по назначению. При допросе он дал ценные сведения. А наши орудия целый день методично вели огонь по обороне противника. В то время промышленность выпускала достаточное количество вооружения и боеприпасов. Так что чувствовалось значительное преимущество советской артиллерии перед вражеской.

После боя бойцы делились впечатлениями, рассказывали о себе, о действиях своих товарищ по оружию. Вот что написал в заметке боевого листка Арсентий Леонтьевич Бойков, которому сразу же после боя была вручена медаль «За отвагу»: «Как только раздался взрыв в туннеле, мы побежали вперед. Можно сказать, в упор расстреливали вражеских солдат, забрасывали их гранатами. Оказались у землянок. Здесь, в траншее, я заметил автомата, который стрелял по нашим ребятам. Я бросил гранату. Она разорвалась на бруствере и чуть задела его. Он выскочил из укрытия и кинулся бежать. Но я догнал его. Он вырвался и снова бежать. А навстречу нам как раз Ситников. Вместе с ним и схватили «языка», скрутили ему руки. Пока мы с ним возились, солдаты Паушев, Никитин вели огонь по землянке, потом забросали ее гранатами. Этот бой потребовал от нас большого напряжения сил».

Лейтенант Чунихин писал в боевом листке: «Как только произошел взрыв дота врага, коммунист сержант Возьмин крикнул: «Вперед!» и первым бросился в атаку. Я — рядом с ним. Перепрыгнув траншею, он устремился

к землянкам врага. На пути нам встретились трое солдат противника. Двух из них убил Воздымин. Когда мы подбежали к землянкам, из их окон и дверей противник открыл огонь. Воздымин бросил три гранаты, и из землянки выбежало три солдата. Но им не удалось спасти свои шкуры. Врагов сразил из автомата сержант Воздымин. Он всюду успевал. Стрелял без промаха, наверняка. Все коммунисты моего взвода храбро сражались и увлекали своим примером беспартийных солдат на подвиги».

Хочется привести и следующий рассказ ефрейтора Ивана Данюка, который принимал участие в том бою. «Это было мое боевое крещение,— говорил он.— Конечно, перед боем я о многом подумал: о жизни, о своей матери, о друзьях, о братишке Александре, которого угнали в Германию. Думал о том, как я буду вести себя в предстоящем бою. Старые солдаты ободряли. Большинство из них носили ордена и медали. Они говорили мне: «Ничего, Иван, вначале страшновато будет. Но ты гляди на нас и делай свое дело. Бой любит отвагу и смелость». В бою мне еще больше полюбился автомат. Золотое оружие! Когда командир послал меня выяснить положение соседа, то я столкнулся с двумя вражескими солдатами. Я крепче сжал автомат и подумал: «Выручай, братишка»,— и тут же срезал очередь обоих. Впереди еще много боев, но этот я запомнил на всю жизнь, навсегда».

Рассказ ефрейтора Данюка весьма характерен. Действительно, участие в бою молодых, необстрелянных бойцов вместе с бывальми воинами имело огромное значение. Так, непосредственно в сражениях цементировалась

солдатская семья. Именно тогда и проверяется способность каждого солдата и офицера действовать смело и решительно в любых непредвиденных обстоятельствах. И автоматчики с честью выдержали этот экзамен. Во время боя было уничтожено более пятидесяти вражеских солдат и офицеров, захвачено три станковых и несколько ручных пулеметов, пятнадцать автоматов.

И мы потеряли троих товарищей. Погиб командир третьего батальона Александр Иванович Попов. Это был один из лучших офицеров, гордость дивизии. За короткое время он вырос от лейтенанта до майора.

На должность комбата-3 назначили капитана Жерносекова, не менее опытного, рассудительного и храброго офицера, который продолжил боевые традиции подразделения.

Важные события произошли летом 1944 года. В начале июня противник приступил к эвакуации мирного населения из села Вознесенье, расположенного на левом берегу Свири. Все, что там делалось, хорошо было видно с находившегося южнее Ошты наблюдательного пункта. Можно было предположить, что противник готовится к осуществлению крупной операции. Передвижение его частей и подразделений, методическая стрельба из орудий по нашим позициям свидетельствовали о переслокации живой силы врага. Выяснить обстановку можно было разведкой боем. С этой целью в расположение неприятеля был направлен взвод второго стрелкового батальона, которым командовал майор Василий Андреевич Сенчуков.

Разведчики действовали довольно смело и

решительно. Они быстро оказались в траншеях врага и завязали бой. Надо было сразу же воспользоваться этим и закрепить успех, тем более, что наш замысел получил одобрение командира дивизии полковника Василия Каллинковича Сопенко.

— Разрешаю вашему полку наступать на Вознесенье.— Этими словами закончился наш разговор с ним по телефону.

Это было вечером 17 июня. А ночью два батальона полка, получив приказ о наступлении, не смогли достигнуть успеха. Произошло это по нескольким причинам. Главная из них та, что при выполнении приказа батальоны слишком рано обнаружили себя, дав возможность противнику сосредоточить по боевым порядкам наступающих массированный огонь.

Тем не менее, надо было что-то предпринимать, причем быстро и решительно. Командование полка и его штаб пришли к единому мнению: единственный выход из создавшегося положения — послать подкрепление наступающим. Рискованно было вводить в бой первый стрелковый батальон капитана Помогаева, находившийся в обороне. Но этого требовала обстановка.

И вот позиции батальона занял взвод автоматчиков, а сам он вышел к западной окраине села Ошта. Восточнее ее вел бой второй батальон, одна из рот которого одновременно с первым батальоном преодолела реку Ошта и устремилась на Левино. На расстоянии около двух километров на запад от этого села оказалось множество землянок. Видимо, здесь располагался штаб финского батальона

с резервной ротой и артиллерией. Кругом были видны следы поспешного бегства врага. Лишь на правом фланге, у Онежского озера, бойцы Сенчукова долгое время не могли сбить врага. Наконец и там неприятель не выдержал и стал отступать на Лябушки и Вознесенье. Рота автоматчиков капитана Князева, дойдя до Левино, прикрыла тыл полка. Отсюда батальоны, круто повернув на север, по двум дорогам устремились в направлении райцентра Вознесенье.

На топографической карте местности, где вел бои полк, было нанесено восемнадцать сел и деревень. Из них сохранились только Никитинская и Минова. Да и те были порядочно разорены. Их жителей враг эвакуировал в свой тыл. Все остальные населенные пункты финны уничтожили и на их месте построили опорные пункты с дзотами, развитой системой траншей с ходами сообщений, проволочными заграждениями и минными полями. Через каждые три-четыре километра нашим подразделениям надо было с боем преодолевать эти препятствия. От Копова до Вознесенья нам предстояло пройти тридцать два километра, а от Ошты до райцентра — двадцать пять.

По обочинам дороги враг на видных местах разбросал карманные фонарики и различные красивые безделушки. Но каждый наш солдат знал, что они заминированы. Поэтому их никто не брал и не приближался к ним.

Преодолевая опорные пункты и минные поля, полк нес потери. Но в целом наступление протекало быстро. На улицах Вознесенья боев не было: враг спешил перепра-

виться на правый берег реки Свири, на заранее подготовленный рубеж, где он построил доты и дзоты с развитой системой оборонительных сооружений и заминировал местность противотанковыми, противопехотными минами и фугасами.

Был ясный безветренный день, когда наши подразделения вошли в Вознесенье. Карельский лес на правом берегу Свири, казалось, примолк, как бы всматриваясь в происходящее. Воды озера Онежское катились к устью реки, напоминая о беге времени.

Вознесенье до войны был одним из наиболее благоустроенных населенных пунктов области. Сейчас же он стал пустынным, неприветливым. Все оставшиеся здесь дома противник заминировал, и нашим саперам много пришлось поработать. На стене одного кирпичного здания наши солдаты прочли: «Бойцы Красной Армии! Скорее спасайте измученный народ. Мы погибаем. Девушки из Ленинграда Вера Никитина, Мария Бессмелова, Зоя Суханова, Шура Бекренева». С содержанием этого письма политработники ознакомили солдат и сержантов, которые поклялись отомстить врагу за муки и страдания советских людей.

При отступлении враг взорвал мост через Свири и уничтожил все переправочные средства. Когда полк подошел к реке и попытался форсировать ее с ходу, то попал под ураганный артиллерийский, пулеметный и минометный огонь. На правом берегу мы насчитали пять дотов и дзотов. Стало ясно, что для преодоления рубежа необходима тщательная подготовка.

Спустя немного времени в трех-четырех

километрах левее нашего полка вспыхнул бой. Оказалось, что он шел между финскими батальонами: они были друг друга и топили в Свири своих же солдат. Позже выяснилось следующее. Финский батальон, против которого на рубеже нашей обороны оставался взвод автоматчиков, внезапно стал отходить лесом левее наступающих подразделений полка. У реки противник оказался позже нас. В тот момент другой финский батальон уже находился на северном берегу Свири и, приняв своих солдат, переправившихся через реку, за чужих, открыл по ним огонь. Этот бой продолжался около часа. Таким образом, стало ясно, что в зоне прежней обороны не осталось ни одного вражеского солдата, и наш риск был оправдан.

Многое оставил противник в Вознесенье — склады с продовольствием, различным военным имуществом, боеприпасами. Но нас привлекли штабеля строевого леса. Бревнами можно было воспользоваться для сооружения плотов. Через два дня средства для переправы были готовы и замаскированы на берегу. Близился час форсирования Свири.

В течение нескольких дней ровно в 5.00 противник начинал артиллерийский обстрел. Пользуясь этим, пехота, орудийные расчеты и прочие подразделения врага мелкими группами отходили назад, в лес. Можно было предположить, что там имеются землянки для отдыха. А с наступлением ночи противник снова занимал позиции на переднем крае и до утра вел массированный огонь. Наблюдения за поведением противника позволили сделать

определенные выводы и принять соответствующие решения.

Вечером 20 июня в землянку командира полка пришли майор Сенчуков, капитан Помогаев. Вызвали и командира 939-го артиллерийского полка майора Леонида Васильевича Денисова, которому тогда же специальным приказом были подчинены артиллерийские и минометные подразделения, сосредоточенные в Вознесенье. На этом своеобразном военном совете были обсуждены различные варианты форсирования Свири и дальнейшего наступления. Единодушно пришли к такому решению: в пять утра, как только противник все свои подразделения отведет в тыл, отсечь их огнем артиллерии от дзотов и дотов и одновременно проделать три прохода в минных полях и проволочных заграждениях; первый залп — сигнал для форсирования Свири.

Наступило утро 22 июня 1944 года. Все солдаты, сержанты и офицеры батальонов, батарей и дивизионов уже знали боевую задачу. Они ждали команды к действию. Старшина Георгий Кузьмич Гранкин, круглоголовый крестьянин, обращаясь к рядовому Пантелею Мироновичу Поворозинову, спросил:

— Ну, как думаешь, преодолеем Свири, собьем вражью силу?

— А почему бы и нет,— последовал спокойный ответ.

— Собьем, только не робей, братва!— вмешался в разговор солдат Вениамин Ильич Шахов. Скорей бы сигнал дали...

В разговоре солдаты и сержанты не замечали, как прошло время. Прогрохотал первый залп.

— За мной, вперед! — подали вполголоса команду офицеры.

Из окопа первым выскочил командир шестой роты капитан Потапенко, за ним — командир четвертой роты старший лейтенант Видякин. Впереди всех к Свири бежал коммунист майор Сенчуков. Достигнув берега, солдаты и офицеры второго батальона извлекли из-под тонкого слоя песка бревна и небольшие плоты и, погрузившись на них, устремились к правому берегу. Его не было видно из-за порохового дыма и гари, повисших над рекой.

— Быстрей греби, ребята! — тихо подает команду М. Г. Видякин. Сам он тоже гребет, пот с него градом, рубаха стала мокрой, хоть выжимай.

Маленькие плоты продвигаются сравнительно быстро, но солдатам кажется, что время остановилось. Течение стремительноносит их все ниже и ниже. Рядом плывут, держась за бревна и доски, те, кому не хватило места на плотах. Скорее бы берег!

— А сильно он по нашему берегу бьет, — шепотом говорит солдат Поворозинов. — Замешкайся мы там, и нам конец.

— Дальнобойная бьет. Хорошо, что нас не видят, — тихо отзыается Федор Кучук, бывалый разведчик.

Наконец-то берег. Солдаты прыгают в воду, бегут вперед.

Наша артиллерия работает как никогда хорошо. Она открыла путь стрелковым ротам к дотам и дзотам. На наблюдательном пункте — напряжение. Хотя никто не подает виду, но все переживают за наших пехотинцев: а вдруг артиллерия врага откроет по ним огонь? Но

дальнобойные орудия бьют по нашему берегу. Значит, пока все идет по плану. Очень медленно крутится секундная стрелка. И вдруг командир второго батальона Сенчуков докладывает по рации:

— Пять дотов и бронеколпаков взято! Преследую противника.

А было это так.

Солдаты четвертой стрелковой роты, побегая к траншеям противника, закричали «ура» и устремились к доту врага с востока. Их опередило отделение старшины Гранкина шестой стрелковой роты, наступавшее с западной стороны. Но противника там не оказалось. Его солдаты уже поспешно отошли к лесу, оставив орудия, пулеметы и боеприпасы целыми и невредимыми, как и в других огневых точках. Кстати, один из тех дотов и сейчас стоит на правом берегу Свири, против Вознесенья, как музейный экспонат.

Майор Сенчуков приказал четвертой стрелковой роте занять все доты и дзоты и остаться на месте, выполняя функции резерва батальона, а на преследование противника направил пятую и шестую роты. Их ближайшая цель — овладеть Бараками и Перхозером.

Однако первый батальон не воспользовался внезапностью действий и попал под массированный огонь из всех видов оружия, в том числе и дальнобойной артиллерии. А ведь предстояло еще преодолеть водную преграду. Принимается решение: четвертую роту Видякина направить во фланг и тыл дота, откуда ведется обстрел по батальону Помогаева, туда же, западнее Вознесенья, перенести огонь артиллерии. Но вскоре противник оставил и

этот дот, отойдя к лесу. Умолкла наконец дальнобойная артиллерия, лишившись связи с передним краем. Первый батальон без потерь форсировал реку.

У нас не было убитых и раненых. Лишь один солдат получил незначительную царапину осколком вражеского снаряда.

В глубине обороны противника, примерно в трехстах метрах, были оборудованы землянки. Здесь его солдаты весь день отдыхали. Здесь у них были и кухни. Перед нашими бойцами предстала такая картина.

На кухнях в беспорядке валяются продукты — куры, мясо, масло. Табуретки перевернуты. При отступлении обычно противник все взрывал и минировал, а сейчас все бросил. Даже орудия и пулеметы в дотах, бронеколпаках и на пулеметных площадках в полной исправности и с боеприпасами. Судя по этим признакам, противник не думал отступать и стремился продержаться на занимаемом рубеже не один день.

Вспоминается утро 22

июня 1944 года, когда снова пришлось оказаться на берегу знакомой реки. Тогда я словно впервые увидел Свирь — широкую и быстроходную. А в 1941 году она производила совсем другое впечатление и казалась узкой и неглубокой, хотя мы и потопили в ней много вражеских солдат и офицеров. А вот сейчас, когда нам надо было ее форсировать, вдруг стала очень широкой.

Стрелковые батальоны уже на той стороне, а вот как переправить технику?

Командиры батальонов по радио доклады-

вают: противник яростно сопротивляется. Вот появились плотные цепи вражеских солдат и офицеров. Падают, подкошенные огнем, но тут же на смену им появляются новые ряды. Включились в работу артиллерийские корректировщики, находившиеся в стрелковых ротах, точно указывая цели.

Для развития наступления на правый берег переправился третий батальон капитана Жерносекова. Его маршрут — вдоль дороги по лесу в направлении деревни Ивановской.

Бой достиг наивысшего накала. Казалось, не было места, которое не поражалось огнем врага. Стрелковые отделения заметно стали редеть. Большие потери понесло отделение, которым командовал старшина Гранкин. Сам он был тяжело ранен. Боеспособными остались лишь К. Колпаков, И. Кондаков и Ф. Кучук. Они отважно продолжали отбивать атаки врага.

Примечательно, что считавшийся противником непреступным рубежом по Свири от Онежского до Ладожского озер был повсеместно прорван и захвачен нашими войсками в один день — 22 июня 1944 года. На главном направлении прорыва в районе Ручьи — Лодейное Поле соединения 7-й Отдельной армии свои передовые отряды переправили на правый берег реки после обеда 21 июня. А в основном все соединения форсировали ее утром, в день третьей годовщины вероломного нападения гитлеровских орд на Страну Советов. Внезапность и одновременность действий привели к тому, что противник лишился возможности маневра, не мог перебрасывать свои силы с одного участка на другой. Среди отважных воин-

нов Советской Армии были и наши земляки. В их числе командир взвода Семен Яковлевич Киреев, удостоенный звания Героя Советского Союза. Он ушел на фронт из села Чистое Булаевского района Северо-Казахстанской области.

Положительную роль в успехе советских войск сыграл и тот факт, что солдаты хорошо изучили местность, повадки и приемы врага, приспособились к тяжелым условиям ведения боя в лесисто-болотистой местности. Надо сказать, что на некоторых участках противник сосредоточил значительное количество боевой техники. Иногда на одном километре фронта нам противостояли более 30 минометных и пулеметных точек, 70 стрелковых ячеек, до десяти дотов и дзотов и семи бронеколпаков. К. М. Мерецков вспоминал: «Были видны сплошные траншеи для пехоты со сферическими железобетонными убежищами. На основных направлениях было построено до 10 железобетонных боевых сооружений. Противотанковые препятствия поражали умелым рассредоточением и применением к местности, высоким качеством сооружений. Сравнивая эту оборонительную полосу с линией Маннергейма, я пришел к выводу, что они были равны по мощи, но свирская полоса оказалась лучше приспособленной к сопротивлению современным средствам разрушения, так как здесь была выше плотность железобетонных боевых сооружений»¹.

Все это тем из воинов, кто стоял на свирском рубеже, стало известно позже. А тогда

¹ К. А. Мерецков. На службе народу, с. 390.

никто из нас не задумывался о трудностях, которые приходилось преодолевать каждый час и день. Как и другими защитниками Родины, солдатами, сержантами и офицерами 1224-го полка владело чувство священной ненависти к врагу, и они стремились сломить сопротивление противника и погнать его на север, по дороге на Петрозаводск. Они захватили тогда 22 орудия различного калибра, более десяти станковых пулеметов, два шестивесельных миномета, склады с боеприпасами, обмундированием и продовольствием.

Во время боя весь день сильно жгло солнце, а после сильной артиллерийской стрельбы вечером ударили проливной дождь, который прекратился только к утру. Еще в первую мировую войну было замечено, что после интенсивного артиллерийского огня летом всегда выпадали осадки на поле боя. Прибавилось трудностей у солдат и офицеров. Всю ночь работали они на переправе под ливнем. Все до нитки промокли, а сушить обмундирование было не время.

К пяти часам утра переправа всех подразделений первого эшелона завершилась. Началось освобождение Карелии. А в Вознесенье спешил штаб дивизии и армейский госпиталь. Сюда же стягивались 1226 и 1228-й стрелковые полки, которые потом пошли следом за 1224-м.

Река Свири осталась позади.

Утром все мы позавтракали. Солдаты и сержанты, запаслись патронами. В 6.00 — снова в трудный путь. Войска 7-й Отдельной армии на левом фланге устремились на Олонец,

а на правом — на Петрозаводск, куда была нацелена и 368-я дивизия.

Вся шоссейная дорога Вознесенье — Петрозаводск была заминирована. Послать вперед саперов не представлялось возможности, так как снайперы врага могли их уничтожить. Зарытый в землю фугас со взрывателем замедленного действия не только щуп, но и наш минойискатель не мог обнаружить.

Но полк выполнил тактическую задачу и вошел в село Ивановское.

После короткой передышки полк с боями двинулся на Петрозаводск.

Противник, отступая, продолжал минировать дорогу. Возникла мысль — отрезать его арьергард. В тыл врага на катерах Онежской военной флотилии была переброшена стрелковая рота второго стрелкового батальона во главе с ее командиром капитаном Антоном Яковлевичем Потапенко.

Цели своей десант достиг. На протяжении двадцати пяти километров враг уже не смог заминировать дорогу. Наши потери резко сократились.

Раньше всех на катерах к пристани Петрозаводска была доставлена учебная рота 368-й стрелковой дивизии под командованием капитана Якова Алексеевича Харченко. Было это 28 июня. Он сразу же организовал охрану мостов через реку Шуя и аэродрома. А через сутки в город вступила и наша дивизия. Впоследствии ее полкам было присвоено наименование Петрозаводских.

Высадка десанта в Петрозаводске оказалась для врага неожиданной. Наши войска отрезали дорогу противнику, отступающему под

натиском 368-й дивизии, которая стала в те дни Краснознаменной. В последующих боях соединение получило наименование Печенгской. В дальнейшем оно наступило в направлении Суоярви. Без сна и отдыха двигались вперед стрелки, артиллеристы, связисты, саперы.

4 июля наш полк подошел к крупному населенному пункту Рован-Гора. Справа бросился в атаку батальон капитана Жерносекова и первым ворвался на окраину. Начались бои за каждую улицу, за каждый дом.

Всего два часа потребовалось полку, чтобы разгромить вражеские подразделения в Рован-Горе, этом крупном опорном пункте.

Дивизия шла вперед. Каждый ее боец уносил память о свирском огненном рубеже, память о реке, на берегах которой зрело воинское мастерство однополчан, мужественно защищавших Родину, во имя и во славу ее совершивших бессмертный подвиг.

□

Иван Викентьевич Ивановский

НА ОДНОМ ИЗ РУБЕЖЕЙ

Редактор *A. Троицкий*. Художник *B. Кожевников*. Художественный редактор *A. Сергеев*. Технический редактор *O. Пегова*. Корректор *H. Григорьева*. и *I. Хасенова*.

Сдано в набор 11/VII 1977 г. Подписано к печати
20/X 1977 г. Бумага тип. № 1. Формат 70×90¹/₃₂—
2,92 усл. п. л. (2,93 уч.-изд. л.). УГ13302.
Тираж 8000 экз. Цена 10 коп.

Издательство «Жалын», 480003, г. Алма-Ата,
ул. Гоголя, 111.

Заказ № 1001. Фабрика книги производственного объединения полиграфических предприятий «Кітап» Государственного комитета Совета Министров Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480046, г. Алма-Ата, пр. Гагарина, 93.

